

The background of the entire cover is a repeating pattern of red roses with black outlines, set against a white background. The roses are of various sizes and are connected by thin, black, curving branches with small, pointed leaves.

Валерий Вычуб

Кладоискатель

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Вычуб
Кладоискатель

«ЛитРес: Черновики»

2020

Вычуб В. С.

Клагоискатель / В. С. Вычуб — «ЛитРес: Черновики», 2020

Поиск кладов это романтика. Пойдешь этак в лес с металлоискателем и найдешь. И тебя найдут. Сам потом будешь долго удивляться. Будет много приятного, но за удовольствие следует платить. И ты теперь уже не рядовой инженер, а вполне родовитый аристократ. У тебя есть герб, знатные родственники и право быть вызванным на дуэль и убитым. И попробуй только отказаться. Было бы тебе кладов не искать. А уж какие в лесах наших водяные да лешие. Ведьмы чрезвычайно обаятельные, так на шею и вешаются. На дворе-то девятнадцатый век. Государь наш Николай Павлович царствует себе и ведет Россию к прогрессу. До Крымской войны еще далеко. Пушкин что-то там сочиняет. А дворовые девки чрезвычайно любят своего барина. Содержит нецензурную брань.

© Вычуб В. С., 2020

© ЛитРес: Черновики, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	52
Глава 14	56
Глава 15	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Валерий Вычуб

Кладоискатель

Пролог

Поиск клада ради обогащения попросту невыгоден. Клад это романтика, романтика, доступная и взрослым и детям. Взрослые дуреют и лазают по лесам, да по развалинам. Дети копают, где надо, и где не надо. Находят и те, и другие, обычно совсем не там, где кладу вроде и положено быть. Легких кладов на земле уже не осталось, они или выкопаны, или, и не было их вовсе. Не ищи легких кладов. Лучше вообще никаких не ищи. Мне больше останется. Я сегодня поеду искать.

Мой верный металлоискатель прошел и проехал со мной сотни километров. Мы находили полтинники с мозолистыми пролетариями. Нам удавалось обрести серебряные монеты не трех, даже четырех царств. Медный крестик одна тысяча шестьсот неизвестно какого года, жемчужина моей коллекции.

Комары меня кушали, пару раз чуть не укусила змея. Я креп под дождями и солнцем моей необъятной родины. И мечтал о галионах с грузом золота и изумрудов. О кладах Колчака и Наполеона. И о прочих мелочах, типа наследства Леньки Пантелеева и Соньки Золотой Ручки.

Итак, я поехал за город. Рано утром в электричке не очень много народа. Грибы еще не пошли, ягод в этом году немного. Сезон у дачников успешно начался, они посадили все что надо, выпили то, что надо. Сейчас большей частью сидят по дачам, стерегут будущий урожай и туда-сюда в город и обратно не шатаются.

Благополучно просидев до моей станции, вылез на платформу и потопал в лес. Дорогу через поселок старался пройти незаметно. Мое оборудование не совсем стандартно, от честного грибника отличаюсь не в лучшую сторону.

Сворачиваю за поселком налево, ныряю в лес. Пусть враги ищут меня, таинственный кладоискатель скрылся в лесных дебрях и теперь все золото моё.

За лесом поле, там пасутся коровы. А там, где коровы, ищи и быка. Он здесь, он бдительно охраняет нравственность вверенного ему коллектива. И надо идти быстро и уверенно. Дескать, твоих коров мне не надо, дескать, я сам бык и очень крутой. Почти бегу, удалось прорваться и уйти в отрыв. За рекой в древности, в неописуемых десятых годах двадцатого еще дореволюционного века стояла усадьба графини Апраксиной. Род знатный, усадьба была, судя по снимку из альбома, богатая. Ничего не осталось. Что не сожгли в 17 м, разобрали по кирпичику в двадцатые годы. Следы фундамента заросли крапивой. Сик транзит gloria mundi. Пороли нас мало. Имею в виду и себя, мои предки тоже из крепостных, судя по рассказам бабки.

Плащ и резиновые сапоги не вполне могли защитить меня от укусов крапивы. Но зато в зарослях кустов выросших вокруг фундамента можно было спокойно бродить с металлоискателем, не ожидая вопроса: а вы что тут делаете. Место, впрочем, посещали местные жители с хорошим пищеварением и со склонностью к сексу на лоне природы. Использованные презервативы, кучи позавчерашнего говна. Проза и еще раз проза. Те, кого баре пороли на конюшне, пришли всерьез и надолго. И крапивы уже не боялись. Ничего не звенит в моем устройстве, все золото найдено, кроме того, о котором я выше упомянул. Оно уже давнее и мне не мешает работать.

Здесь была когда-то прихожая, дальше зала для гостей. Определяю расположение помещений больше по интуиции. Нигде ничего. Ящерица промелькнула и скрылась под землей. Жужжит комар, питается моей брэнной плотью. Звоном в ушах, комариным писком начинает доноситься до меня:

– Ваше Сиятельство! Радость-то какая. Уж мы ждали, ждали, надеяться перестали. Как выросли, возмужали то как! Графине-то радость, уж он об вас печалилась, вспоминала. Внучок, дескать, в чужих людях скитается, плохим манерам обучен. А вы ничего себе, барин как барин. Только сапоги эти. Не могли сапожники вам хорошие шить?

Такое вот сообщение. Ну, я думаю, перегрелся на солнышке. Хотя какое тут к черту солнышко. Тут пока тенечек, до полудня еще целых два часа.

Человек невидимка, знай, пищит свое, о барине, об усадьбе, что его руки заждались. О мужиках повозмущался. Что, дескать, разграбили. Семьи называет, которые больше других постарались. Аким то-то и то-то унес и спрятал, Евграшка, тот вообще пожег, стекла поразбивал, в барской опочивальне кучу навалил. Секли его, видишь ли. Мало его секли. Типичный донос какого-нибудь барского управляющего еще из крепостного режима. Аппаратуры никакой здесь не запрятано, чтобы меня разыгрывать. Да и кому это надо, простого инженера разыгрывать. Нет у меня таких друзей приятелей.

Набрался я смелости и вставил словечко.

– Извините любезнейший. Не знаю, как вас звать, величать. Вы меня с кем-то спутали. В роду у меня никаких сиятельств не было, и быть не могло. Из крепостных я. Из поротого поколения. Нас секли на конюшне, за дело ли, или не за дело. Что было, то было. Усадьбу вашу мои предки не грабили, мы вроде родом из средней полосы, где-то ближе к владимирщине.

– Ошибаетесь Ваше Сиятельство. Пищит все тот же комарик.

– Прадед ваш, Ваше Сиятельство, из детдомовских был, его бабка ваша Анна Павловна взяла в дом и усыновила. Сирота круглый. А по сути своей старший сын графа Валериана Григорьевича, наследник всех имений ваших в России и за границей. Их Сиятельства, когда все за рубеж бежали, опоздали бежать. Обоих проклятые комиссары в ЧЕКУ эту окаянную забрали и расстреляли. Ребенок без родителей остался, в детдом забрали. Не выжил бы он там, спасибо бабке вашей Анне Павловне. Из простых, а святая была женщина. В голод, в разруху взяла дитя в дом, вырастила, выкормила. Образования, конечно, прадед ваш никакого не получил, да что уж. Не прервался род.

Заплакал комарик, запищал. А я стою, пытаюсь что-то понять и ни черта не понимаю. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Загробной жизни не существует. И прадед мой, если не ввали предки, любил выпивать и ругался матом. Такой вот был граф.

– Ясно одно. Что я рехнулся, неведомо от чего и с какого перепугу. Слышится мне бред несусветный. Надо срочно бежать, ехать обратно домой на ближайшей электричке, и вызывать скорую.

– Пойдите барин. Куда вам бежать. Вы домой прибыли, и мы вас никуда не отпустим. Зови дворню Герасим, батюшку барина надо в хоромы проводить и в нормальную одежду одеть. А то ишь нарядился, не то на охоту, не то еще неведомо куда. Не барская одежда, одно слово.

Я почуял беду и попытался бежать. Но ноги как приклеенные держали меня на месте. В голове кружилось все больше и больше.

– Теперь окончательно сошел с ума, успел еще подумать.

Глава 1

– Пора вставать Ваше Сиятельство. Завтрак на столе. Графиня спрашивать изволили, как вы почивали.

Если можно наслаждаться своим безумием, то я наслаждался. Мягкая перина нежила тело. Воздух за окном бодрил и звал: Выйди в сад граф, погляди, цветут цветы за окнами, где-то в глубине сада поют девушки. Ах, крепостное право еще живо живехонько. И крепостные крестьянки красивы, назло измышлениям всяких квазиученых. Стройны и ласково улыбаются своему барину. Еще бы, такой красавец, щеголь, и щедрый такой. За один поцелуй дает полтинник, а Таньке вообще повезло. В малиннике встретил, говорит, целовал, руки куда не надо совал. Еле выпуталась. Дал рубль и пригласил еще раз за ягодами пойти погулять. Ой, девки! А может и вправду кому из нас повезет?

Измышления дворовых девок у них на лицах были написаны. Местные мужики беспокоились о своем, о насущном. Выпросить у доброго барина леса на ремонт избы. Стишки Некрасова, которыми нас мучили в школе, теперь звучали в реале. И, поди разбери, кому дать, а кого гнать и пригрозить выпороть за наглость. Бабушка Наталья Николаевна каждый раз склонялась ко второму варианту и пеняла внуку на его доверчивость.

– Как подменили тебя Боренька. Приехал из Петербурга сам не свой. Родную бабушку не узнаешь, с соседями не желаешь общаться. Положим, не ахти какая публика, наши соседи. Но нельзя же совсем их не узнавать. На миру живем, общества дворян нельзя чураться. И не надо мужичью благодетельствовать. Хам должен свое место знать. Девки эти тоже....

Тут бабушка умолкала, очевидно, понимая, что молодому человеку хочется жить и пока не женился, можно многое себе позволить.

Я всего третий день жил в новом мире. Заснул под писк комара, очнулся в постели, в чужой комнате, в чужом и таком милом мире. Здесь все мое. Любящая старуха бабушка. Моя-то бабка была не сказать, чтобы очень ласкова к внуку. Слуги только что пушинки с меня не сдували. Я, оказывается, только что приехал из столицы, из тогдашнего Санкт-Петербурга. Выгнали юного графа Апраксина из полка. Со скандалом выгнали. Нет, не за какую-нибудь темную историю. В третий раз за год участвовал в дуэли. Пару раз в качестве секунданта, а в этот раз сам стрелялся. Да не с кем-нибудь, а с самим Великим Князем, не из детей, а из внуков покойного императора. Но тоже очень скандальная дуэль. Обошлось легкой царапинкой у князьки и вылилось в большой пребольшой скандал.

Сидел я теперь у бабушки в деревне, отставной поручик с нехорошей репутацией. Бабушка утешила, что уездные дамы прямо горят желанием познакомиться со столичным хулиганом. Но надо мне того? Девушки Тани в малиннике мне вполне хватило и сложности мне сейчас ни к чему.

Понять со мной происшедшее я даже и не пытаюсь. Тот, кто напищал мне этот переход, комарик стервозный, замолк и в ушах больше не звенит. Поглядываю на слугу, в глазах только почтение и ожидание приказа. Есть тут такой Герасим, спрашиваю его, кто ему приказы отдает? Улыбается как баран: Вы барин, да барыня, кому ж еще?

Старший камердинер Осип, лицо вне подозрений. Голос как из пушки, никакого комарика не изобразит, даже если постарается. Управляющий на селе живет, в барский дом только раз в неделю навещается. Дворецкий Егор Кузьмич, личность

солидная, но вот беда, недавно голос потерял, выпил квасу после бани, простыл. Сейчас лечится, и барыня собирается его на отдых отправить. Остальные, чины не важные, а экономка и вообще женщина. Никого подозревать не могу. Не иначе как меня ошастливил кто-то из загробного царства. Там я и вовсе, до поры до времени не ориентируюсь.

Живи и радуйся жизни граф. Потренируйся в стрельбе на пистолетах. В армии чему-то учили, но нынешнее оружие, это нечто. Такими уродами только Пушкиных убивать. Кстати, жив наш Александр Сергеевич, жив Пушкин. На дворе год 1828 от Рождества Христова. Александра Сергеевича Грибоедова назначили послом в Иран. Лев Николаевич Толстой еще не родился. Господи, боже ты мой!

Итак, поспела малина. Значит, был июль. Что делать было совершенно непонятно. Если я здесь на всю жизнь, надо наслаждаться жизнью. В девятнадцатом веке жизнь коротка, не успеешь оглянуться, уже старость и никаких тебе развлечений, ни интернета, ни телевизора.

Приехал я домой с пустым кошельком. Бабушка сразу помогла мне в этой недостатке. Пересматривая монеты в кошельке, обнаружил раритет. Не бог весть какой, я в этом деле не специалист, но полуполтинник 1808 года даже такой полузнайка как я знал и уважал. Миллиончик швейцарских франков, вот он у меня на ладони. Достаточно вернуться домой, в родной двадцать первый и гуляй парень, ты миллионер. А сейчас монетка сия мне годна только для коллекции. Можно подарить той же шалаве Таньке, за усердную все возрастающую любовь к барину. Надо же, сегодня мне в малиннике даже минет сделала. Растет провинция, набирается знаний деревня. Поинтересовался у Осипа, нет, насчет французской болезни в здешних краях еще не слыхивали. И, слава богу.

Разглядывая монету, додумался, наконец, что с нею делать. Попаду я обратно в родной мир или нет, неизвестно. Но уж если попаду, то вряд ли с кошельком, набитым коллекционными монетами. Значит, надо монеточку спрятать. Так спрятать, чтобы долежала до моих будущих времен. В надежном месте спрятать, куда никто не сунется, в приметном месте, которое время не тронет. Прогулки по берегу реки, в то время, когда сельские девушки выходили купаться и, зная, что барин подглядывают, визжали от этого еще веселее. Приятные сии прогулки запомнились мне одним любопытным местом. В кустах над рекою торчал валун. Занес его ледник в незапамятные времена. Мне этот валун хорошо был известен, под ним костерок разводил в одну памятную ночь. Стоит камешек и в двадцать первом стоит, где стоял. Он и будет местом моей первой захоронки.

Как задумал, так и сделал. Буду считать это первым, но не последним шагом, обеспечивающим мне правильное отступление. Как заманили меня сюда, в прошлое, так могут и обратно выпроводить. Чтоб потом дома не было мне мучиться больно о бесцельно прожитых часах и минутах. Буду жить и готовить себе пути отступления.

– Боренька. К нам приехал твой приятель из Санкт-Петербурга. И друга с собой привез. Говорит, что ты ему очень обрадуешься.

Я, безусловно, обрадовался, я был просто счастлив. Великий Князь Константин Романов, тот самый Романов, которому я едва ухо не отстрелил на дуэли, теперь приехал ко мне в глушь деревенскую. Зачем интересно? Продолжить нашу сорвавшуюся дуэль? Тут у меня были два варианта. Я стреляюсь с ним, он меня убивает, бабушка умирает с горя, имение уходит дальним родственникам, род Апраксиных исчезает с лица земли. Второй вариант, я убиваю наконец этого паршивца, меня судят, ссылают в Сибирь. Я заболел там чахоткой и бабушка хоронит внука и затем... смотри первый вариант.

Пока я обсуждал различные варианты, князек бросился мне в объятия и со слезами попросил прощения. Государь Император сделал ему соответствующее внушение и велел мириться со своим подданным. Ему и самому, плакал Константин, стыдно, что стрелял он в такого славного парня, как Борис Апраксин.

Вымочив меня слезами и дав себя заподозрить в нетрадиционных пристрастиях, Великий Князь стал меня расспрашивать о местных развлечениях. Какие в окрестностях балы и красавицы. Мне то, как местному жителю, должно быть сие известно. Кого соблазнять можно, кто под охраной родителей и жениха завязанного дуэлянта. А кого обходи стороной князь.

– Ваша Светлость, говорю, зазорно князю императорских кровей с провинциальными барышнями игры вести. Уроните не только свое реноме, но и честь семьи Романовых может пострадать.

Во как сказал! Даже сам от себя не ожидал таких речей. Где наслушался, в каком фильме или сериале таких слов нахватался. Кто-то мне ворожит, подсказывает, словно из-под подсознания то одно, то другое.

Князь кислую рожу скорчил, сказать нечего, во всем его хозяин прав.

– Так хоть девки местные тут охочи до барских пряников? Смеется.

Тут и я не выдержал.

– Девы местные, говорю, вольных нравов и к даровым угощениям весьма склонны. Но предпочитают живую монету. Презренное серебро ценят. Но и вежливость, и ласку не след забывать.

– Вы уж не обделяйте меня Князь, всех-то дев от меня, хозяина, не уводите. Ограничьтесь десятком, другим.

Ржет мой гость, как жеребец с моей конюшни. Ясно, почему погибло царское самодержавие. Жеребятина его погубила, жеребятина в особо крупных формах.

Потянулись дни пьяного веселья. Сам не ожидал от себя дореволюционного таких способностей. Вышей я так в двадцать первом веке, острое отравление со смертельным исходом мне было бы гарантировано. А так ограничивалось выговорами от бабушки и укоризненными взглядами прислуги. Мой гость быстро разочаровал графиню Апраксину.

– Романовы они все такие были, шептала она мне украдкой. Что Государь Петр Алексеевич, что безвременно почивший Петр третий. Что-то будет с государством?!

И я и не рисковал ей сказать, что будет вскоре у России и Государь Александр Третий и допьется он до чертиков в самое короткое время.

Друг Великого Князя оказался совсем не любителем горячительных напитков. Прибыл с князем в надежде на хорошую охоту в нашей глуши. Привез отличные ружья и все подговаривал меня отправиться пострелять в местных лесах какого-никакого медведя, на худой конец лося.

Придя в совершенное отчаяние от княжеских шалостей, я, наконец, согласился.

Глава 2

Егерь служил еще при покойном дедушке. Немало медведей погибло от его руки. Приносил в барский дом дичину, порой баловал мясом лося или оленя. Но за последние годы бабушка практически перешла на продукцию домашнего производства. Куры, утки, гуси, парная говядина от своих коров. Редко когда закажет Карпу куропатку или рябчика. Старый егерь грустил и порой крепко пил. Поход с нами за крупным зверем Карп воспринял как праздник.

– Не извольте беспокоиться, Ваше Сиятельство, с дичинкой будем. Рябчик там или куропаточка, места знаем. Насчет лося, не могу с уверенностью сказать. Но знаем и их места, постараюсь вывести. Медведь? А зачем вам летом медведь? Медведь летом гуляет, жир набирает, мирный летом медведь. Его надо зимой брать, в берлоге брать.

Мой спутник хотел непременно идти на медведя, сразиться с ним, победить и жарить на костре вкусные медвежьи лапки. Егерь понимающе ухмылялся в густую бороду, но барской блажи не перечил.

Договорились выйти с раннего утра. Князь после вечернего возлияния должен был дрыхнуть как минимум до полудня.

– Не знаю уж Боренька, вздыхала вчера вечером графиня. В погребе у меня еще много наливок и настоек. Но что касательно заморских вин, боюсь, что такими темпами гость наш скоренько их выпьет. Придется в город посылать.

Вводить бабушку в лишние расходы мне страшно не хотелось. Я уже испытывал к ней самые родственные чувства. Все ж таки я её пусть дальний, но потомок. Но как оградить добрую старуху от пропойных ухваток высокого гостя? В голову пока ничего не лезло. Пойду на охоту, сражусь с медведем. Быть съеденным медведем за сто пятьдесят лет до своего рождения, такой оригинальной смерти не испытал еще никто на планете. Я буду первым!

Вышли, едва стало светать. Оружие у питерского гостя самых лучших зарубежных фирм. Из английского ружья убить русского медведя, не об этом ли мечтал наш заклятый враг Дизраэли. У барона из прибалтийских немцев сегодня такое может получиться.

Топали по сонному селу. Спят еще сельские девки, совсем не обрадованные притязаниями Великого Князя Константина. Уже получил от одной затрещину, другая попыталась лягнуть кобелька в самое интересное место. Не совсем получилось, но получилось. Князь залечивает травмы, готовится к новым победам.

За селом болотце, уже поспела болотная морошка, ягода привлекательная и чрезвычайно полезная. Бабушка любит с морошковым вареньем чай пить. Сказал ей, что и британская королева не прочь попить чаек с нашей морошкой. Не очень поверила. Вспугнули на болотце пару зазевавшихся птиц. Барон стрелял дважды и оба раза промазал. Я воздержался. Все еще неуверенно чувствую себя с оружием прошлого. Нужна тренировка и еще раз тренировка.

Сравнивая лес моего времени и нынешний, земля и небо. Тот прошел через бои великой войны, напшигован местами ржавым железом и взрывоопасной дрянью. Этот красуется могучими соснами и зарослями можжевельника. Порубками местные крестьяне не грешат. Им щедро дается на ремонт избенок, а за без разрешения срубленное дерево секут на конюшне, говорят больно секут. Хорошая традиция. Россия, которую мы потеряли, умела сечь и была строга, но справедлива.

Заяц выскочил прямо из-под моих ног. Нет, сегодня не мой день.

– Это зайчиха, барин. Уводит от зайчат, они где-то поблизости прячутся.

Хорошо, что я не убил кормящую мать. Мой напарник смотрит на меня неодобрительно. Вот уже и первый час прогуляли. Лес становится гуще, будет сегодня жара. Пока утренняя прохлада будем гулять и отстреливать местную живность. Пока наши сумки пусты. А вот егерь уже подстрелил пару рябчиков. Отличная дичь, я, честно говоря, только здесь в прошлом впервые её попробовал. Вкусна, слегка горчит рябчик, это благородная горечь. Блюдо для аристократов. Одновременно ощущаю себя аристократом и Хлестаковым в исполнении Андрея Миронова. Но... вот он миг удачи. Мелькнула за деревьями тень быстроногой косули. Стоило ей только на миг помедлить. Я вовремя сорвал ружье с плеча и выстрелил на взлет. Попал, ей богу попал. Бедную косулю мы подняли и освеживали.

– Теперь поедим, ликовал барон.

– Здесь недалеко барин у речки есть мельница. Если хотите, можем остановиться передохнуть. Только я бы не советовал.

– А что нам мешает? Хозяин колдун? Заколдует нас и заставит на мельнице по ночам работать?

– Барин так шутит.

– Да хозяин то ничего. Примет, обиходит. Хороший хозяин. Дочка у него чудачка...

Запахло русалками, волшебницами, вспомнилось, что нынче полнолуние. Мне, лично, после сумасшедшего переселения в мир иной, не захотелось опять рисковать. Но барон настоял на своем.

– После удачной охоты желаю русалок, волшебников и распить бутылочку Шато д'Икема в безопасной обстановке. Мельник же ваш крепостной, он не подведет?

– Мельнику покойный батюшка барин вольную дал. Самостоятельный мужик.

Мы решили идти к самостоятельному мужику и познакомиться с его чудакостью, но, по словам егеря, хорошенькой дочкой. День незаметно перевалил за полдень. В хвойном лесу всякая лесная кровососная тварь кусалась меньше. И все же. Когда мы вышли к берегу речки, барон весь исчезался. Я проклинал отсталую химию девятнадцатого века и вспоминал Раптор БИО.

Журчание воды под старой мельницей мы слышали издали.

– Принимай гостей Егор! Крикнул егерь. Барин со своим другом в гости пожаловал.

– Какой я мельник?! Я ворон здешних мест.

Бессмертная фразочка Александра Сергеевича еще не прозвучала, да, наверное, еще и не написана. Мельник очень приличный, в чистой белой рубашке, борода аккуратно подстрижена. На нашем фоне, распухших от укусов насекомых потных физиономий, мельник смотрелся как вполне интеллигентная личность.

– Пожалуйте гости дорогие. Аринушка, гостям молочка свеженького. Сейчас корову подоила. Вы как барин, парное пьете? Некоторые брезгуют, а зря.

– А кваску у тебя? Сипит охрипшим от усталости голосом барон. Он уже не хочет охотиться на медведя, ему вполне хватило пяти часов мотания по лесу.

Мы пьем квас, мы знакомимся с дочкой мельника. Действительно, интересная девица. Совсем не похожа на моих деревенских знакомиц, с такой не поиграешь. Пожалуй, и затрещину схлопочешь. Нет, телосложение хрупкое, лицо бледное. Глаза... Вот глаза, пожалуй, глаза у неё нечто. Зеленые яркие глаза. Русалочьи? Но я русалок не видел, ничего тут сказать не могу. Исключительно выразительные глаза.

– Что ты смотришь на меня, морда крокодила?

Какое счастье, что в школе и в институте изучал французский язык. Здесь без французского я бы пропал. И то бабушка пару раз удивлялась, что ты Боренька странно так начал на французском изъясняться? Само собой, французский двадцать первого века и девятнадцатого чуть-чуть, самую малость различаются. Сколько новых ругательств появилось! Сколько интересных тем, особенно в области секса. Старательно клею юную пейзажку. Но дочь мельника только слегка улыбается на мои шутки. И на попытки приобнять и по-дружески поцеловать, в щечку Анечка, в щечку. В щечку и получил, тоже вроде и шутя, однако вышло весомо. Рука у юной мельничихи как у спортсменки каратистки. Напившийся квасом выше ушей барон ехидно хохочет.

– Так не доставайся же ты никому.

Наконец и мясо поспело. С охотничьим голодом не сравнится никакой голод на свете. А еще если приготовлено хорошо. А еще, если у хозяина брага припасена. И хороша та брага и подносит её за столом лучшая девушка в мире, Аня, дочка мельника.

Шумело в ушах, солнышко над головой ушло за кромку леса. Вода на мельнице журчит и тянет в сон. Как сладок сон на свежем воздухе. Какой я все-таки счастливый.

Глава 3

Бам! Бам! Бам! Фииниииниииниии Бум. Комья грязи в морду. Я лежу, втягиваясь в землю, головы не поднять. Над головой, я сразу понял, рвутся снаряды, и идет стрельба. Кто по кому стреляет?! Где я?! Где мельница, прекрасная мельничиха, отличная охота и отдых на траве. Здесь идет война, здесь убивают кого-то. И судя по шуму, война явно не гражданская. Великая отечественная война! Вот попал, так попал.

– Немцы. Окружают. Бей комиссаров.

Движение в окопах вокруг меня приобрело определенную форму. Народ пытался рвать когти, не надеясь на оборону и совсем не веря в свою способность дать врагу бой. Ну да, конечно же, он, сорок первый. Сколько полегло тогда. Значит, я умру не своей смертью, не в шкуре питерского инженера, не во фраке графа, наследника богатого имения. Меня пристрелят как куропатку наступающие фашисты. Или погонят в плен и кокнут по пути. На кой им черт лишние пленные в сорок первом. Возись с нами.

Стрельба и артобстрел стихли, только иногда посвистывали пули. Высунувшись, я увидел совсем близко врага. Идут как на прогулку. Но в руках автоматы. А у меня, я только сейчас сообразил, не прекрасное охотничье ружье, с которым я утром пошел в лес. Плохонькая винтовка, к тому же без патронов. Лес был рядом, жиденький лесок, березняк и кусты. Но там была свобода. И я дернул. Ох, как я бежал. Пара выстрелов прозвучала вслед, одна пуля вроде задела меня. Немцы смеялись, да, да, эти сволочи смеялись. Миллион изнасилованных немок, вдруг вспомнилось мне. Мало, кровожадно подумал, добежав до деревьев. Каждую девку, каждую бабу, которая красивее, надо было. Но надо не сбавлять темпа. Вояка я никакой, но бегаю очень неплохо.

– Товарищ сержант, возьмите меня с собой. Из-за куста смотрит девичье лицо. Санитарка. Морда перепачканная землей, вся в слезах и в соплях. Молоденькую девчонку фашисты изнасилуют, пустят по кругу, а потом или пристрелят, или отправят в лагерь. Не годится оставлять её одну.

– Идем, говорю ей.

– Будем к нашим пробиваться?

– Будем.

Пробьюсь к нашим и буду давать ценные советы товарищу Сталину. Как надо правильно воевать и почему он дурак. Книги о “попаданцах” я читал, барахло все эти книги. Ох, и сапоги же выдавали бойцам. Уже ногу стер. Иду, хромаю, девчушка семенит со мной рядом. Что-то в её внешности меня смущает. Что-то знакомое.

– Ань, говорю, что то память отшибло. Ты из нашего взвода?

– А как же, товарищ сержант. Я ж вас на прошлой неделе перевязывала. Помните, осколок царапнул.

– Теперь помню, говорю. Будем пробираться к своим.

Только меня там и не хватало. Руки у меня, посмотрел, не мои руки. Мозолистые лапы, явно физическим трудом занимался.

– Хватит, товарищ сержант, да товарищ сержант. Мы сейчас не в окопах. Обратитесь по-человечески, товарищ медсестра.

– Есть обратиться, товарищ... Борис.

– А по батюшке как меня?

– Борис Викторович.

Блин. И там, в двадцать первом я Борис и в девятнадцатом. И тут опять и имя, и отчество те же самые.

Хлюпает уже вода под ногами, в болото забрели. Если это тот же лес, та же местность, то я знаю и дорогу через болото, ходил как-то за клюквой. Там, посреди болота островок, вполне можно выжить. Питаясь одной ягодой да лягушками. Да еще камыши грызть, они вроде тоже съедобные.

А девочку эту отмыть, вполне можно, очень даже хороша будет... Ох, и свинья я. Кто о чем, а юный граф все о том же. Не нае...ся в своем двадцать первом?

– Борис Викторович. Ой, я сапог потеряла!

Пришлось спасать сапог, боец без обуви, не боец, а обуза. Маленькая такая ножка, грязная ужас!

Шум боя далеко позади затих. Немцы шли и шли вперед и на наши комариные укусы не обращали внимания. А ведь где-то поблизости их, гадов, все равно остановят.

Мы пробирались через болото два часа. Отметины нового времени еще не появились, те отметины, о которых мне сообщил егерь всего несколько часов назад, за сто лет не все сохранились. Пару раз здорово окунулись в болотную жижу, один раз я уж пошел наугад, доверяя больше интуиции. Не подвела проклятая, мы вышли, мы добрались до суши!

Знакомые сосны шумят над головой, что им какие-то полсотни или сотня лет. Они живут по триста лет. За что фашистов особо не люблю, вырубил уроды в окрестностях хорошие леса. Им, видите ли, дороги через леса и болота надо было строить. Для танков и грузовиков.

На поляне, посреди островка журчал родничок, ничего ему не сделалось. И при царе журчал, и при проклятых коммунагах, придут новые баре, и при них журчать будет. Сюда не очень-то кто сунется. Клюкву покупают на рынке. Сам напился, Аньку напоил и заставил девочку умыться. И когда глянул на неё умытую, обалдел. На меня смотрела дочка мельника. Точь в точь, как две капли воды.

– Аня. Ты из местных?

– Нет, мы приезжие. Я в техникуме в городе училась. Бабушка, говорят, родом из этих мест.

Вот тебе и объяснение. Вышла замуж прекрасная мельничиха и родила. И пошло, и пошло. Сидит рядом со мной внучка, сопит носом. Сопи, не сопи, а жрать нам абсолютно нечего. Точнее, почти нечего. Ягод навалом. Морошка рядом на болоте, черника под сосенками поспевает. Грибы тоже имеют место, два червивых подберезовика лично нашел и ногой пнул. Сырые грибы есть, говорят, можно. Еще говорят, что без пищи человек может прожить ровно месяц. Если его раньше комар не съест.

– Аня, ты чего плачешь?

– Ничего. Нас убьют Боря?

Вот и ответ. Вполне ведь возможно, что и убьют.

Не отвечаю, только целую девицу в мокрую щеку. Она вдруг обхватывает мне шею руками и сама начинает целовать. Кончили мы не скоро, пока не сделали все, что можно сделать. Оказывается, у Ани это в первый раз, она меня любила с первого взгляда и если у нас будет сын, назовет его Борисом. Вот попал, так попал. Кладоискатель чертов.

Голодная ночь на острове посреди болота. Под боком спит счастливая медсестричка. Снится её неведомо что, стонет во сне и прижимается ко мне. Мне долго не

спится. Ухает ночная сова, где то вдалеке опять взрывы. Идет война, ей еще долго идти, целых четыре года.

Подвиги поутру мы не начали совершать. Нам бы начать партизанское движение, беспощадно убивая нацистов. Да вот беда, нечем. Да и опыта у меня особого нет по убийствам. Если не считать косули и пары куропаток. В армии я в горячих точках не служил, ни злодеев афганцев, ни заклятых друзей чеченцев убивать не приходилось. Винтовкой моей только от волков отбиваться. В качестве дубинки сгодится.

Анька смотрит уже на меня как на мужа. Сказала, что если забеременеет, её демобилизуют. Она будет меня ждать с победой. Ну что делать, надо с острова как-то выбираться.

Не знаю, что-то с глазами моими стало. Лес немного не узнаю, сосна, под которой мы спали, немного повыше была. Черничник на поляне все тот же, ближе к краю болота суше и явно можно пройти почти что и посуху. Чудны дела твои. Тащиться в лапы немцам нельзя, а вот, если взять круг через ольховник, можно выбраться к моей незапамятной мельнице, где нас потчевали сто лет назад мельник с дочкой. Там место тихое, на развалинах разве что змею встретишь. Можно денек, другой перекантоваться. Вопрос только, дальше то что? Некуда дезертиру деться. Или к немцам в полицаи, или ищи родную часть и иди снова в атаку. Если б Анька не подтолкнула, долго бы топтался на месте. Двинулись в очередной поход через трясины. Палки я выломал и для себя и для подруги надежные. Строго настрого приказал следовать след в след. Обувь наша за ночь высохла. Сейчас опять намочим ноги, но болеть нельзя. Чихнешь, выдашь себя, немцы мигом тебя вылечат.

Вот так бредем. Болотная жижа булькает, лягушки на кочках лупоглазые смотрят на нас и, наверное, удивляются. Нашли, думают, место для прогулок. Суши им мало.

Кукует кукушка в лесу и где-то.... Нет, не может быть, медведь рявкнул. Нашел время и место, дурак. Война, а ты бродишь, на пулю нарываешься.

– Это кто Боря?

– Фашист заревел. Его змея за ногу укусила.

Анька, наконец, улыбнулась, сорвала с кочки морoshку и отправила в рот.

Мы брели, брели и встретили. Нет, не фашиста и не советского бойца, разыскивающего дезертира Борю. Увидели мы бабу на болоте, как ни в чем ни бывало собирающую ягоду. В какой-то дерюжке, с берестяным кузовком. Весьма колоритная бабуля. Персонаж на все времена. На такую глянешь, забудешь какое тысячелетие на дворе.

– Что милые, ягоду брать? А я вам такое разрешала?

Такое заявление, да здоровенному мужику и еще и с винтовкой.

– Вообще-то бабушка война, шли бы вы домой, не ровен час, бомба с неба упадет, да вас ушибет.

– Я тебя сама сейчас ушибу!

И тут Анютка меня удивила.

– Бабушка, да зачем сердиться. Дайте мы пройдем и больше здесь ходить не станем. Собирайте в свое удовольствие.

И по плечу бабулю гладит, в глаза ей глядит, что-то шепчет на ухо. Чего уж нашептала, не знаю. Вредная старуха заулыбалась, словно старуха Шапокляк.

– С женихом значит идешь. Ну, иди, иди, тут близко.

– Анечка. Тут загса на болоте нет. И приглашать чужую бабу в качестве свидетеля не годится.

– Надо Боря, отвечает. Пойдем дальше, еще одного человека встретим. Ты только не удивляйся. Я не всё тебе сказала. Но всё будет хорошо у нас с тобой. Ребенок девочка будет, красивая, а глазки как у тебя.

На почве нервного потрясения от прошедшего боя у девушки случилось нервное расстройство. И зачем таких дохлячек в армию берут?!

Глава 4

Он сидел на поваленной сосне и вид у него был совсем не советский. С таким видом его бы в городе мигом в милицию или в более серьезную организацию отправили. Нечего народ смущать. Сгорбленный, в какой-то шубе драной, не пойми из зайца или другого зверя. На голове не шапка, а высотный дом. Исключительно удобная для летнего периода форма одежды. Впрочем, комаров она, наверное, отпугивает. Я бы на их месте тоже бы испугался. А уж зубастый дед, такие бы зубы молодому, орехи можно зубами грызть. Глядит дед на нас, улыбается своими ужасными зубами. И никак его не обойти. На узенькой тропочке между двумя озерцами, затянутыми ряской, расселся и не сдвинешь.

– Дедушка, вот погляди на Борю, запомни его. Тропинку, если где встретишь, открой, не дай в лесу заблудиться. Сам чувствуешь, наш он. Пусть и человек, но свою силу имеет.

– Думаешь, стоит помогать? Не навредит?

– Сейчас он неумеха, не знает ничего, всего боится. А там приучится, свое место найдет.

– Ну иди себе, графское отродье, погляжу как ты себя поведешь. А нет, так и суда нет. Дорог в лесу много, ни одна никуда не ведет.

Морозом по коже от его речи и от морды его колючей. Зубов вроде еще больше в пасти стало. Но посторонился. Анютка меня сразу потянула за собой, дескать, проходим скорее.

Куда я попал, куда меня попали. Гестаповец какой-то, а не дед.

Мы скоро выйдем к реке, дорога пошла на подъем. Странно, шума боевых действий с утра не было слышно. Немцы что, окапываются на позициях, ждут подкрепления? Вчера в небе летали самолеты, шли один за другим в сторону Питера. Теперь тишь, да безмолвие. А солнышко светит, щебечут птички, Анька трется разругавшейся мордочкой о мое плечо. Но меня, после её непонятных разговоров с лесными людьми, приласкать её как-то и не тянет. Странная медсестричка, если не сказать больше.

Дорожка выводит, вывела дорожка.... Какого черта?!

Стоит над рекой старая мельница, журчит вода. Мой спутник, охотник-неумеха, машет мне рукой.

– Загулял граф?! Вчерашнее похмелье прогулкой по свежему воздуху сбиваешь. Молодцом, молодцом. А мы тут со стариной мельником рыбы наловили, тебя ждем, жарить будем.

Охлопываю себя, оглядываю. На мне тот же охотничий костюм. За плечом вчерашнее барское ружьецо.

– Потеряли что барин? Смеется Анята. Она та же и не та. Во вчерашнем сарафане, на ногах лапти. Э, а царапина на ноге вчерашняя, та же самая. Помню её, крепко тогда ногу разодрала.

– Ну не доглядела, забыла убрать. Что ты болтать будешь барин? Тебе кто поверит?

Я сам себе не верю.

Через полчаса мы сидим за столом, едим жареную рыбу и болтаем о всяких пустяках. О том, как день хорош, как прекрасна жизнь в деревне и как хороши сельские девушки. В первую очередь наша юная хозяйка, конечно.

– Не бойсь, шепчет мне на ухо бесовка. Воспитаю девку, без твоих барских забот обойдусь. Но назову Анютой, никуда не денешься, вспоминать будешь.

Такое забудешь.

– Пора трогаться в обратный путь, граф. Всю дичь убили и съели, всю рыбу выловили. Медведь нас испугался, убежал и спрятался. Мы его в следующий раз... Как думаешь егерь?

Егерь Карп выглядел помятым, словно всё время моего отсутствия с тем же самым медведем воевал.

– Пора в обратный путь барин. Засветло вернемся, барыня не надо будем об вас беспокоиться.

А на морде явно беспокойство. И вовсе не о нас беспокоится. Что ему за полночь вернуться. Сплошь и рядом на ночную охоту уходит. Жив-живехонек по сей день.

– Вы с Анькой поосторожнее барин, улучив момент, шепнул мне на ухо. Полнолуние нынче, вижу, дурит девка. Она может, от бабки это у неё.

И что может, какая у моей новой любовницы дурь, так и не сказал.

Долго прощались с гостеприимными хозяевами. Мзду за ночлег мельник принял с благодарностью, Анята попытку сунуть ей полтинник в кармашек отвергла с негодованием.

– Это ты меня так ценишь, в полтинник?! Иди Танькам своим и Наташкам полтинники суй. Они и за пятак тебе всё обделают.

Если бы не свидетели, быть моей морде битой. Мы поспешно собрались и отправились домой. Обратный путь всегда труднее, ноги вспоминают полученные в пути ушибы и ссадины. Кочки попадают под ноги, деревья вырастают там, где вчера их и не было. Так и тянет заблудиться и кружить на месте, аукая друг друга. Егерь твердо вел нашу подусталую команду, барон вообще расклеился и ныл, проклиная комаров, русскую природу и сельские напитки. Оказалось, он у мельника еще и самогон местный попробовал. Напиток богов.

Я шел и лицо Аняты глядело на меня сквозь ветви деревьев. Ночная птица приговаривала: своим девкам полтинники суй. Филин где-то в чаще леса проснулся и хохотал: Огулял девку! Быть тебе барин в беде!

Как хорошо дома. Давно ли обрел чужой и уже привычный мне дом. Здесь все не такое, как в нашем суетном мире. Важно быют часы в гостинной. Сообщают, что барину пора обедать. Меня одевают, боже мой, со времен незапамятного детства этот процесс целиком и полностью был моим личным делом. А здесь... Пару раз хотел отмахнуться и сам все сделать. Но, во-первых, всерьез обидел лакея Антона Фомича. Во-вторых, и это самое важное, непростое дело, одеваться во времена Александра Сергеевича Пушкина. Есть отдельные, еще не до конца мною изученные нюансы.

За обедом гости мои выглядели примерно одинаково. Князь сражается с остатками наших вин, геройски надо сказать сражается. Барон, горе-охотник еще не отошел от охотничьих подвигов. Вяло жует баранью отбивную и смотрит куда-то вдаль. Если он видит там родную столицу и батюшку барона, ожидающего заблудшее чад, дай ему бог. Вдруг надумает уехать и князьинку с собою увезет. Надоели мне гости хуже горькой редьки. Еще немного проживут, опять вызову на дуэль не этого, так другого.

И всё у меня из головы моя вчерашняя любовь не уходит. То ли морок она на меня навела, надо сказать отличный получился морок, качественный такой. Но как

могла девка начала 19 века знать о Великой войне и о всех её особенностях? Нет, не получается. Значит, и вправду мы побывали с ней в одна тысяча девятьсот сорок первом проклятом. И провели, надо сказать, неплохой денек. Я прыгаю по времени то туда, то сюда. Допрыгаюсь, попаду в совсем плохое и место и время.

– Что же ты мороженое не кушаешь, Боренька? Специально для тебя повар старался, готовил.

Мороженое в начале 19 века редкая гадость. Не научились еще местные повара его готовить. Но не все удовольствия сразу.

Летние досуги в барском имении однообразно приятны. Купальня на реке обустроена с неплохими удобствами. Водичка, правда, могла бы быть потеплее. Наш север даже в июле север. Комар лезет на тело после купания самый оголтелый. Вкусно ему барское тело попробовать. Не иначе в предшествующей жизни был сей комар крепостным крестьянином и теперь мстит своему барину за прошлые обиды. Князь Романов и барон Штерн купаться сегодня отказались. Опять намылились с девками пойти в поход за малиной. Ох, будут у меня в селе ближе к весне незапланированные беременности. Придется бабушке разоряться, справляя приданое обрюхаченным дурехам.

Я решил еще раз нырнуть, попробую достать руками дна. Тут не очень глубоко. Нырнул. Кто-то схватил меня за ноги и потянул ко дну. Черт, я тону! Тону не в море океане, в обычной русской речушке. Я барахтался, лягался. Кого-то сумел ударить, скользкого и несимпатичного. И когда уже воздуха не осталось, и я решил подумать о душе, меня отпустили. Держась за доски помоста, я пыхтел и отплевывался. Никто не видел моих героических мучений. Утоп бы барин, никто бы и не шевельнулся. Вода тихая, в воде мелькнуло что-то зеленое, мелькнуло и исчезло. И пузырь вздулся на воде, здоровенный пузырь. Как от утопшей подводной лодки.

Смешком долетело с налетевшим ветерком:

– Пуганул тебя батя? Не будешь девок брюхатить.

И тишина.

– Хорошо купался Боренька? Водичка сегодня теплая.

А друзья твои пошли сегодня малинки поесть да и попали. Их самих едва не того, не съели.

– Девки что ли, бабушка?

– Тьфу на тебя. Какое девки. Медведь на них вышел. Они в такое время на малиннике кормятся, а тут народ его, медведя, малину собирает и ест. Как вышел, рывкнул страшно так.

– И как охотники наши?

Оказалось, охотники вели себя по-разному. Князь удивил, геройски заслонив собой девушку Машу. Кричал на медведя, отмахивался корзинкой. Жив. Медведь порвал у него штаны и оцарапал руку. Сейчас лежит у себя, лечится последней бабушкиной бутылкой малаги. Девушку Машу бабушка допустила к герою. У них сейчас там идиллия. Князь намекнул, что хочет выкупить бедняжку и увезти с собой в Петербург.

Барон Штерн попали в соблазнительную ситуацию. О бароне Штерне не хотелось говорить плохо. Но факт есть факт. Барон Штерн обделался и задал стрекоча. Застрял в кустах, крича на весь лес: Караул!!! Инцидент следовало замять. С девками бабушка уже поговорила. Князь, как благородный человек, клялся и божился. Князь это слабое звено. Я обещал, что ничего не слышал, и никто мне ничего не говорил. Чувствую, что барон скоро нас покинет. А за девушку Машу я бы сам выкуп заплатил. Только бы уехала. Вместе с князем уехала.

После купания хотелось думать о многом. О девушке Анюте думать не хотелось. Если бы я её того-этого. Но ведь все по взаимному согласию! И кто она, наконец, такая, девушка Анята?! Подозрения у меня возникали самые невозможные. Нечистая сила? Да, её нет, нечистой силы. Но и путешествий во времени нет и быть не может. И тем не менее...

Глава 5

Тем не менее, утро и пора вставать. Как хорошо дома. Вакцина от гриппа еще не изобретена, но самого гриппа тоже пока нет. Многого отсутствует, ночной горшок выносит лакей Антон. Огорчает отсутствие свежих газет. Их привозят из города с большим опозданием. Граф Паскевич взял Карс, в Португалии какой-то тип захватил власть и будет теперь править.

Гуляю по дому и посматриваю, что бы можно такое переправить в будущее. Чтобы и бабушку не обидеть, и себя любимого. Чудеса не вечны, вечна только проза жизни. Вернусь в свой прозаический двадцать первый век, буду прозябать в своей однокомнатной со всеми удобствами. Как пригодятся мне в моем ужасном далека антикварные монетки царской России. К моему уникальному полуполтинничку добавились 2 копейки 1823 года и гривенник 1820 года. Не бог весть, какие редкости. Чернильница аж восемнадцатого века, бабушка за что-то на неё прогневалась и велела отнести на помойку. Спас и решил сохранить. Найти время и сделать первую закладку на будущее пока все не соберусь. А надо бы.

Событие, которого так долго ждал, что и ждать перестал, наконец свершилось. Уезжают. Уезжают и князь и барон. Спасибо тебе медведь! Уговорю егеря этой зимой на тебя не охотиться. Если б не ты!

Барон в грустной задумчивости, чисто отмытый и чего-то неразговорчивый. Смотрит на меня умно-умно, но так и ничего и не сказал. Насовали ему в дорогу всяческих деревенских лакомств и заготовок. Бабушка хотела дать копченой медвежатины, но я отговорил. Барон может неправильно понять. Штерны влиятельная группировка в столице, зачем графу Апраксину лишние проблемы в будущей карьере.

Князь так и не взял с собой девушку Машу. Выла в ночь перед отъездом на весь дом, даже у меня у опочивальне было слышно. Бедная жертва любви. Надо скорей выдать замуж. Бабушка говорила, что есть кандидат. Вдовец, четверо детей, но почти непьющий. Подарю тебе рубль на свадьбу Маша, князь то так и позабыл подарить. Романовы они такие, забывчивые.

Решил верхами проводить моих гостей хотя бы до шоссе. Оно в России 19 века есть, для карет и лошадей сойдет, автомобиль еще не изобретен.

Долгие проводы, лишние слезы. Бабушка обняла отъезжающих гостей, приглашала быть еще. Осенью обещала хорошую охоту. Наливкой грозила новой угостить. Князинька в дорожку прихватил себе парочку бутылок. В сущности, мы легко отделались.

По утреннему холодку мы успели сделать пару тройку километров. Карета князя впереди, я на коне почетным эскортом сопровождал дорогих гостей. Уезжай князинька, скатертью дорожка, гостенёк дорогой. Новое вино купим, все забудется, если у Маши будет ребенок, назовем Константином. Я попытался сосчитать, какие бы алименты смогла вытянуть из князя обманутая девушка в двадцать первом веке. Тогдашние курсы пересчитать на нынешние. Маша! Ты богатая невеста. Дорога сворачивала к шоссе. Я загляделся было на верстовой столб. Основательно строили предки. Карете ехать до Питера еще 70 верст...

Кстати, а где карета?

Дорога пуста, на дороге нет следов колес. Карета не могла съехать с дороги на обочину. Я заснул на ходу? Конь в недоумении ждал седока, поворачивая ко мне голову, ну что же ты? Сзади меня следы нашего путешествия, и они обрывались буквально в двух шагах передо мной. Не в небо же унесло нашего благородного князя?!

И самое скверное, впереди совсем не та дорога. Я помню этот проселок, по нему аборигены возили урожай на мельницу. Опять эта чертова мельница. Ехать туда я не хочу. Я вообще никуда не хочу ехать. Слезая с лошади, даю ей немного попасть у дороги.

Постепенно в голову приходит одна мысль. Меня не выпускают из места моего пребывания. Мне нет дороги в Петербург. Хотя, может быть, перекрыта только одна дорога из многих? Стоит проверить. Подсознание подсказывает, проверяй не проверяй, никуда ты не выберешься голубчик из этого капкана. Тебе же лучше.

А еще лучше, вернуться домой, выпить кофе за утренним завтраком и заняться неотложными делами. Чувствую, что тянуть больше нельзя....

Наврал бабушке о благополучном отбытии героев. После обеда собрал все пустяки, намеченные для закладки, и прогулялся по холодку к реке. Стоит знакомый камешек, ровесник ледников. Корова пасется где-то метрах в ста. Где корова, там и пастушок должен быть поблизости. Вон там, у стога сена шевелится что-то. Он родимый, пастушонок. Редкостный лентяй, бабушка говорила. Уж секли его, секли. Все равно, что ни год, то корову не досчитается барское стадо, то теленочка. Волки, однако.

Спрятал денежку поглубже и подальше под камнем. Огляделся еще раз, никто ничего не видел. Сорока сидит на березе и смотрит любопытными глазами. Брысь сорока, не подглядывай....

– Боренька. Муку привозили с мельницы. Мельник привет передает и рыбкой кланяется. Где такую и ловит. Завтра к столу подам.

Завтра оно будет завтра. Сегодня постель перестилает Наташка, лакей Антон немного прихворнул, говорит, завтра я, барин, буду как штык.

– Все сделаю, говорит. Сегодня малость квасу перепил за ужином, бурчу сильно. Боюсь Ваше Сиятельство беспокоить.

– Чего еще изволите Ваше Сиятельство? Наташка спрашивает, глазками стреляет, передничек мнет.

Понятно, чего я изволю. С нею я уже пару раз изволял, она мои привычки изучила.

Кусал меня кто-то ночью во сне. Клопов и прочей живности в барском доме мы не держим, с ними строго. Иногда бывает, забегает таракан из деревни. Его вся дворня ловит и предает смерти.

Наташка ушла ночью, знала, что барыня не любит, когда дворня развратничает. Барину услужит, одно дело. А в барской постели валяться засветло, никоим образом не годится, это разврат.

– Барин! Батюшка! Спрашивает Антон.

– А эта дрянь откуда у вас в опочивальне?!

И вытаскивает из-под постели здорового черного рака. Тот клешнями лязгает, укусить пытается. Так вот кто меня ночью то беспокоил. И вправду, на теле словно щипал кто. На Наташку непохоже, она девка ласковая, немного коровистая. Кто ж мне такое подсунил? Позавчера утопить хотели, сегодня ночью раков подсовывают. В нашей местности и змеи водятся, если змея ночью в комнату приползет.....!!

Мне захотелось домой, на мой тихий мирный десятый этаж. Чтобы сосед опять стучал в стену и ругался с женой. Чтобы музыка играла этажом выше.

Попросил Антона поспрашивать среди слуг, вдруг кто что видел. Бабушку в историю с раком решили не посвящать, рака отправить на кухню и наказать по спра-

ведливости. Скорее всего, он из той же посылки с рыбой, подарка нашего мельника. Пусть в общей банде и отвечают.

Рыбки за завтраком попробовал, хороша, нечего сказать. О раке со смехом поведал лакей, удрал ведь подлец, буквально из-под руки повара удрал. Да что с него одного. Щуку подадут в обед, какое то новое блюдо повар задумал. Решил после завтрака заглянуть на кухню и полюбоваться на речную красавицу. Лежит мерзавка в леднике, глазки зажмурила, пасть зубастую в сторону отвернула.

– Что, говорю, щука. Пришел твой смертный час. Всю жизнь всякую мелочь обижала, а теперь мы тебя обидим.

– Я с тобой не поменяюсь. Меня съедят, а тебя еще долго мурыжить будут.

Вот так сказала мне щука.

И я нашел, что ответить.

– Будете еще наезжать, попрошу бабушку расторгнуть с мельником договор аренды мельницы. Пусть мельник идет, куда хочет, кормится, чем хочет.

Это был сильный аргумент. Щука задумалась, такой наглости от человека она явно не ожидала.

– Не боишься того этого? Осторожно спросила.

– Отбоялся уже. Мутите вы тут воду, мутите. Чего хотите, сказать не желаете. Вот приглашу священника, освятит воду возле мельницы. Что тогда?

Рыба запаниковала. Перспектива освящения воды ей очень не понравилась.

– Может, съездишь на мельницу, поговоришь с хозяином? Спросила жалобно.

– А вы меня там в сома превратите? Или по дороге, того этого. Передразнил я её.

– Барина то?! Ужаснулась хищница. Не положено. Запрет на это наложен. Анька с тобой пошутковала. Так она молодая, кровь играет. Ты тоже, сначала с ней поиграл, теперь других в постель тащишь. Не дело это барин!

Диалог затягивался, стороны не пришли к согласию. Появился повар и мою собеседницу потянули в последний путь. Она так мне ничего и не сказала. Мужественная рыба. За обедом я ел в основном баранину и парниковую клубнику. От рыбы отвертелся, сказав, что утренней мне хватило. Есть такую умную и разговорчивую рыбу мне не хотелось.

– Кто знает, может они и все такие? Молчат, но думают о нас разное, не очень для нас лестное.

А вечером повар пришел ко мне и обрадовал сообщением:

– Я Ваше Сиятельство барыне то не говорил. Мало ли что она подумает. А вы меня с малства знаете, знаете, что я сроду ничего барского крошки не тронул.

– Так вот, рыба то эта, что на стол подавалась. Не та вовсе рыба. Ту, какая сволочь подтибрила, буквально из-под рук моих вытащила. Пришлось другую готовить, благо на леднике позавчерашняя лежала, в пруду карпа выловили.

Сбежала, значит, моя щука. Я почему-то почувствовал облегчение. Заканчивать дискуссию съедением оппонента, это не наш метод. Такие методы мы давно осудили. Щука сейчас, наверное, докладывает своему начальнику об итогах переговоров с графом Апраксиным. Буду ждать новой шкоды.

Ночь спал спокойно, ласкал все ту же Наташку. Во сне почему-то снилась Анюта и была мною довольна.

– Ну ты и даешь! Говорила. За ночь девку шесть раз огулял. И откуда берется. Жеребец, истинный жеребец.

Глава 6

Рублевик 1807 года, пара гривенников 1809 го, полтина 1813 года, пятаки, гривенники, аж 20 копеек 1816 года. Это все братца ныне царствующего царя Николая монетки, покойного Александра Павловича. Сколько какая в будущее, невероятно далекие сейчас от меня времена стоит? А хрен их знает, сколько стоят. Одни дороже, другие подешевле. Монетки все в хорошем состоянии, не сказать чтобы идеальном, в обиходе уже побывали, в кошельке слегка пообтерлись. Пятачком нынешнего 1828 года у меня в кошельке целая пригоршня. Милостыню подавать, очень удобно. Прошлогодного “орла крыльями вниз”, пятирублевика, у меня нет. Это даже я знаю. И на нет и суда нет. А вот полтинушка с поднятыми крыльями. Год позапрошлый, состояние отличное. Сижу, перебираю монеты в кошельке, бабушка опять внуку подбросила на мелкие развлечения. И зудит, зудит, съезди к соседям Боренька, съезди. А как я съезжу? Вдруг меня и к соседям заговор наложенный не пустит. Поеду туда, приеду неизвестно куда. Лучше дома посижу, пощиплю ягоду и девка тут новая обрисовалась, интересная на фигуру девка. Не иначе как мамку её цыган в сене повалял. Приходила с ягодами к барыне, я успел с ней парой слов перекинуться. Не хочу ни к каким соседям!

А из города, наконец, газеты привезли. О холере пока мало чего слышно. Холера еще в Азии, в Сибири появилась, но у нас, слава богу, начальству слава и почет, холеры пока нет. Ох, скоро придет и мало никому не покажется. Холерные бунты в Москве, об этой страшилке читал я в свое время. Надо бы предупредить как-то Александра Сергеевича. Да как его предупредишь? Да и не поверит он мне. Это ж смех один: граф Апраксин предупреждает опального стихотворца Пушкина о том, что в будущем году.....!!!

Граф Апраксин научились будущее предсказывать. Авель, Нострадамус, Калиостро и граф Борис Викторович Апраксин.

День июльского безделья. В купальню теперь хожу с почетным эскортом. Для защиты от русалок, водяных и говорящих щук в дворне выбрал двух девок покрепче. Сослался, что раков боюсь. Пусть по дну ходят и ногами всякую подводную живность отпугивают. Девки хихикают, но свою задачу выполняют добросовестно. Еще бы, это им не прясть, не ткать, не в лес за ягодой бежать. Там в лесу и слепни и комары. Да и медведь, говорят, опять в малиннике пасется. Егерь обещал, сходить туда, шугануть обжору. Я блаженствую, поглядывая на мясистые прелести моих охранниц. Я сыт. Поберегу себя для ночных утех.

О, как не правы мои современники, ругая проклятое крепостное право. По мне так оно очень даже приятное. Спросить бы народ, ему тоже приятно? Боюсь, если спрошу, меня неправильно поймут. 25 декабря 1825 года было совсем недавно. Кто-то из моих полковых знакомцев успел побывать на допросе. И в полк уже не вернулся.

Завтра попробую, проедусь на лошади в сторону усадьбы ближайших соседей. Барышни там играют на фортепьяно, отец большой оригинал, сельскохозяйственные опыты делает. Выращивает в открытом грунте помидоры и учит этому своих крепостных. Те, из любви к барину, делают вид, что сей овощ им по вкусу. Идиллия!

День тёк в мирных беседах с бабушкой. О том, о сем, о том, как в старину хорошо жили. О том, как Григорий Александрович пригласил её на мазурку, и что при этом сказала Государыня Императрица. Большая шалунья была покойница. Но крепко ревнивая. Поглядела только раз на веселие юной графинюшки и на следую-

щий день приказ: Ехать сей же час в деревню. И готовиться выйти замуж за графа Апраксина. Сей Апраксин был её старше на двадцать лет.

– И ведь прожили в мире и покое десять лет, трех детей породили. Младшенький, правда, от оспы умер.

– Дедушка твой от ран страдал, с Румянцевым воевали, ордена имел. Да что я рассказываю, ты все сам знаешь, Боренька.

Боренька ничегошеньки не знал, и бабушкино повествование выслушал с большим интересом.

Вечер блаженного ничегоделания. Проходя со свечой в свои, уже привычные покои, я задержался на минуту у окна. Уже надвигалась ночь, без электричества неуютно как-то по вечерам. Взять что почитать, но выбор книг у бабушки был специфический. Всё французские романы. Какие-то дикие авторы, я о таких и не слышивал. Вольтер был. В школе, слава богу, учили мы французский. Но читать неадаптированного Вольтера! Да я сказку Шарля Перро про Красную Шапочку осилю только в изложении для детей.

Второе полезное завоевание моей мятежной молодости это два года занятия фехтованием в кружке у очень неплохого тренера. Дорого маме обошлось моя учеба. Но теперь я вполне неплохой для начала девятнадцатого века фехтовальщик.

Уже двинулся было к себе, в постель, там ждет крепкий сон. Наташка то ли придет, то ли нет. Прошлой ночью крепко отшлепал её по горячей заднице. Решила у барина выклянчивать послабления для своего отца. Папаша у ней лодырь, бабушка о нем рассказывала. Пару раз не заплатил недоимку, простила. В этом году опять нацеливается обжулить господ. Дружба дружбой Наташенька, а денежки врозь. Все больше чувствую себя помещиком крепостником. Уже мечты о гаремах витают в голове. Надо бы и заняться правильным земледелием. Помидоры выращивать не буду, бог с ними.

– И не надо помидора выращивать. Отцы наши жили без помидора и нам завещали. Ты скажи, доволен жизнью сегодняшней? Чего-то ты суетишься, бегаешь туда-сюда. Тебе граф бегать не годится, большие беды и себе и людям набегаешь.

– Кто это?! Кто со мной говорит?

Тень у стены сгустилась в неопределенную фигуру, то ли человек, то ли зверь.

– Зовите меня как хотите. Дворян кличет Герасим. Хотя какой я Герасим. Собак у меня сроду не бывало. В крепости мне быть тоже не приходилось. Крепостное оно для вашего брата, для людей. А я, сами видите, в человеки никак не гожусь.

И вправду, несуразное это существо походило на что угодно, только не на человека. Угрозы от него явно не чувствовалось. И все же. Не тот ли Герасим, которым мне давешний комарик грозил?

– Он самый и есть. При барском доме я с рождения. Все для его благополучия делаю. Уж, извините, надо было вас сюда препроводить. Случай такой один раз бывает.

– Да зачем?!!

Вопль мой не получил ответа. Дрянная случайность прервала беседу. Надо же, все та же дура Наташка прошлепала босыми ногами по полу и взвизгнула, наступив на ногу моему собеседнику. Он метнулся в сторону и исчез.

– Ну что ж, идем в опочивальню Мессалина.

– Кто, кто барин?

– Настя Рыбка. Плыви вперед, нас ждет теплая постель.

Выехав поутру на лошади, имел я остановку все у того же камня. Коровы еще не паслись на лугу, опять проспал дрянь пастушонок. Но мне это на руку. Сделал еще

одну закладку с другой стороны валуна. Горсть мелочи, кому повезет, тот её найдет и всячески разбогатеет. Дай бог, чтобы это был я. Не тянет меня домой, совсем не тянет. Но чувствую, ждать мне тут в ближайшее время серьезных неприятностей.

– Барышень зовут Катя и Лена, ничего сложного. Отца Евстафий Иулианович! Во как. Сложного особо ничего в местных визитах и нет. О чем-то читал, что-то мне простят, буду держаться грубовато, графу и богачу это дозволено. Куда заворачиваешь, моя лошадушка, здесь нет пути. Конь норовит свернуть с дороги, там, где поблескивает все та же речушка. Ведь напоили тебя с утра, что ж ты волчья сыть, травяной мешок. Рвется в кусты, я не бог весть какой наездник, падаю на траву.

Благо, успел ухватиться за что-то. Холодное такое, дерево? Нет, металл. Да это ж мой металлоискатель. Стою все там же в крапиве среди фундамента дома. Головку солнце напекло? Надо же, какой бред, какой роскошный бред. Голова не кружится, в глазах ясность. На часах все те же 11 утра.

Приходил я в себя где-то полчаса. Отошел от греха подале, подальше от родных развалин. Посидел на травке, распечатал НЗ. Глоточек коньяку на лоне природы, это очень даже. Но не больше глотка. Спрятан был флакончик на случай необычайной, невероятно богатой находки. И ходит со мной в походы уже, почитай, с прошлой осени. Закусил, продышался. Жизнь хороша, жить хорошо, даже в нашем веке, даже с нашей экологией. Экологически чистые коровы ушли с пастбища. Всюду приятная пустота. Птички щебечут: Борька дурак! Дурак Борька!

Нет, сегодня охота на антиквариат отменяется, поеду домой, отдохну дома. Но надо же, какой отчетливый сон.

Надо скорей ехать домой. На электричку не опоздаю, она минут через сорок, дойду шагом. Спокойно дойду. Но только сначала сверну к тому валуну.

Я понимал, что я дурак и совершаю дурацкий поступок. С полной уверенностью в собственном идиотизме, я протискался через кусты, выбрался на площадку перед камнем. В этом году тоже жгли костры. Наверное на майские, дачники выбирались на лоно. После карантина оно самое то, посидеть у костерка, организовать шашлычок. В прошлом году опять лес горел.

В каком месте я во сне закладку делал? Начну с того, где я час назад отместился. Еще на лошади ехал, надо же, до сих пор задница болит, как будто и вправду ехал. Лишайник оброс валун не намного сильнее, чем тогда, во сне. Ну, естественно, лишайники медленно растут. Вот это местечко, ямочка такая была на валуне. И вот здесь....

Металлоискатель пискнул, подтверждая, здесь что-то есть.

Я с возрастающим энтузиазмом начал разрывать землю, нож у меня хороший, настоящая финка. Еще глубже. Земля тут утрамбовалась. Я заворачивал в платок, шелк, натуральный шелк. Острие на что-то наткнулось....

Не может быть. Сон обернулся явью. В обрывках ветхого шелкового платочка звякнули недавние отобранные мной во сне монетки. Одна к одной, те же самые. Серебро потускнело, монетки подрастеряли товарный вид. Но многое можно восстановить, не все потеряно. Но главное не этом. Главное тут. Голова опять закружилась. Все было, не во сне, в какой-то яви было. И было со мной.

– Поздравляю вас, Ваше Сиятельство! И я еще раз глотнул коньяка из горлышка.

Поиск и обнаружение главного клада, моей редчайшей находки с полуполтинником, длилось недолго. Земля в том месте оказалась рыхлой, и я вытащил оттуда и монету и чернильницу. Отчистив все, спрятал в плаще, во внутреннем кармане.

Ликвидация следов раскопок заняла больше времени. Все зарыл, притоптал, присыпал песочком. Эх, травки бы здесь посадить, не помешало бы. Хотя, чего стараться, там уже ничего нет.

Ожидание следующей электрички на платформе, дорога домой. Господи, домой. Утренний завтрак у бабушки давно переварился. Все бутерброды я сожрал там в лесу. И колбаса у нас невкусная, и коньяк у нас дрянной. То ли дело...

Может, не надо было ехать никуда, сидел бы дома, в своем особняке. Бабушка бы не прогнала. От какой жизни сам отказался, миллионер хренов!

Глава 7

Жизнь продолжается! Вы выиграли свой суперприз и ваш суперприз вас в покое не оставит. Догонит вас и съест. Вы идете к антикварам и антиквары вас обжуют. Если не обжулил, то это не антиктвар. Хороший антиктвар непременно жулик. Горжусь знакомством с некоторыми из этого благородного семейства. Антиквары кучкуются на толкучках, собираются в своих клубах. Обманывают друг друга и бесконечно любят свою трудную и интересную профессию. Хотя, что я, антиктвар это не профессия, это судьба.

Я поступил просто, пошел в магазин “Нумизмат”. Волшебные монеты должны быть проверены профессионалами. У них техника, у них опыт, никакие леший, водяные и говорящие щуки нашего продавца не обманут. Щука фальшивомонетчица получит решительный отпор.

Пригоршня моих монет была тщательно проверена и выставлена на продажу. Ждите поступления граф. Предположительную сумму выручки мне озвучили. Не так хорошо, как мне бы хотелось. Но в целом, очень и очень неплохо. Одну монетку я успел продать у входа в магазин. Знакомый мужик дал с ходу за неё полцены. Но восемь тысяч деревянных сразу очутились в кармане. Миллион я пока озвучивать не собирался. Продавать такую монету надо не спеша и тщательно оглядываясь. Это не мой уровень. Полуполтинник не в идеальном, но в очень хорошем состоянии, тут надо замахиваться на престижный аукцион. Искать пути, подходы. Возможен и другой вариант, найти покупателя. Очень богатого покупателя.

А пока я дома, день длиною в полторы недели подошел к концу. На работу мне завтра не идти. Можно почитать, поразмышлять над удивительным происшествием. Основной вывод, что я должен сделать: оно было. Невозможное случилось. Путешествие во времени возможно. Не было ни машины времени, ни безумного ученого. Только пропищал комарик и уволок меня на двести лет назад.

Пришло время уточнить мой социальный статус. Профессия программист и не очень хороший программист. Сажу сейчас на удалёнке и обеспечиваю моих заказчиков всякой полезной мелочью. На хлебушек хватает, а черная икра, как вы сами понимаете, проплывает мимо.

Поработал весь вечер над срочным заказом, следующий день тоже прошел в привычной суете. Трудитесь граф, посмеивался я в глубине души. Порочное безделье, погубившее великую страну, повлияло и на вас, милый граф. Ночью вам снилась девушка Наташа и подушка ваша, не сказать чтобы, была сыра от слез. Но чего-то мне в постели не хватало. Мои временные подруги на текущий момент не спешили разделить мое одиночество. Да и черт с ними. Не бог весть, какое сокровище. Одна правда, все стремится замуж. Если все-таки стану миллионером, она поможет мне миллион успешно потратить.

Неправедно нажитое мной несметное богатство потратил на разовый поход в магазин. Купил хорошей еды и бутылочку недорогого коньяка. Приучайся жить по бюджету, граф.

Телефон в квартире разрывался, звонил не переставая. Бросив покупки в прихожей, подбежал и снял трубку.

– Деда. Завтра с утречка едем в лес. Не забыл еще дорогу? Буду ждать у кассы на платформе.

Голосок молодой, девчоночий.

– Не туда попали, милая девушка. Дедушка по другому номеру.

– Не валяй дурака, дедушка Боря. Огулял бабулю, будь готов, старый хрен, нести ответственность. В дорогу захвати чего-нибудь, я люблю на пленэре что-нибудь вкусное.

И как меня зовут знает. Дети у меня еще могут быть, но вот внуки никак. Даже с учетом проклятой акселерации. Это надо было мне начать гулять с 13 лет... 13 на 13 и голос тянет лет так на пятнадцать с хвостиком. А мне всего ничего, двадцать шесть.

– Я внучка Ани. Той самой, с которой вы в войну. Вспомнили теперь? Стыдно тебе дед, согрешил и в кусты.

Меня как холодной водой облили. Я стоял у телефона описавшимся котенком и ждал, что она еще скажет.

Но моя мучительница удовольствовалась уже сказанным.

– Значит, жду у кассы в половине шестого.

– А как я тебя...?

– Узнаешь.

Мои покупки прились очень кстати. Побрился я с вечера. Ехать куда в такую рань и все утренние процедуры с утра выполнить. Это лучше спать не ложиться. Но куда меня эта девица тянет? Неужто. Но я еще не решил, сунусь ли еще раз туда. Слишком страшное приключение. Все обошлось, но в другой раз может и не обойтись. Попаду неведомо куда, стану неведомо кем. Ехать, не ехать?

В тягостных раздумьях я тащился на вокзал. Благо, мне близко, можно пешком. Николаевский вокзал, он же Московский. В такую рань народа не слишком много. Но есть. Он на Московском всегда есть. Кто же моя предполагаемая внучка? Эта? Или та? Ни ту, ни другую, я бы не то что в родственники, в соседи по купе не взял бы. С такими рожами только в лесу жить. Пугать зверей и бороться с браконьерами.

– Дедушка! Миленький. Заждалась я. Оголодала, продрогла. Надеюсь, ты купил мне стейк из говядинки вагю. Твоя Анечка кушает только черную икру, но в дорогу, так и быть, съем пригоршню орехов макадамии. Ты их почистил дедуля?

Маленькая, мне едва по плечо. Мордочка, вылитая Анюта, что та, с мельницы, что это чудо, с которым я на острове согрешил.

Энергия из неё так и прет. Сразу попытался поставить её на место.

– Не знаю девочка с чего ты решила, что мы родственники. И откуда мой телефон узнала. Скажем так, мне стало интересно, что это за чудо меня беспокоит. Время свободное у меня есть. Но с чего ты взяла, что мы с тобой за город поедem. Тебе мама не объясняла, что нельзя с чужими дядьками в лес ходить?

– Ах, дедушка. Ты меня боишься. Не бойся, мой старичок, я буду с тобой ласковой и послушной.

– Хватит паясничать.

– Короче. Сейчас мы едем с тобою в известную тебя усадьбу. Ну, точнее, на остатки усадьбы. И попробуем, проверим твое счастье.

– И не мечтай.

Зеленые глаза моей собеседницы блеснули как две лазерные слепилки.

– Верхом на тебе долететь до леса я могу. Не по-родственному будет. Но если ты еще думаешь дурака валять, придется и так.

– Ничего родственного я к тебе не испытываю, дрянь ты такая. Зря я сдуру поперся на вокзал. Чего, спрашивается, ждал?

Язык еле поворачивался у меня во рту. От гипнотического взгляда голова кружилась.

– Ведьма! Вдруг вскрикнул он, вспомнился гоголевский Вий.

– Да, я ведьма, милый дедушка. Ну что, поехали?

И я безропотно согласился. Согласился уверенный, что иначе еще хуже будет. Я влип и, похоже, уже давно влип.

Электричка тащилась в этот раз медленно, останавливаясь у каждого столба. Ремонтные работы где-то там, в аду, велись, как всегда, основательно и без оглядки на претензии земных грешников. Маленькая ведьма рядом со мной быстренько съела почти всё запасенное мною в дорогу. Говорить со мной девчонка не хотела. Ухмылялась, пару раз зевнула. Сквозь закрытые глазки шепнула.

– Не вздумай соскочить дружок. Сиди тут и сторожи мой покой. Алименты ты мамке не платил, с тебя многое причитается.

Я бы и рад был выскочить на первой попавшейся остановке, но ноги не держали. Отвратительное чувство беспомощности и бессилия. Знать бы заранее, сто раз бы всё переиграл. Правильно сказал мудрец: все зло от женщины.

Интересно, какими духами моя т.с.з. “внучка” пользуется?

.....

– Платформа 107 километра. Следующая станция Карбусель.

Погода с утра просто ангельская. Идущей рядом со мной по лесу ведьме она как ни странно вполне по вкусу. Девчонка нежится на солнце. Как я заметил, её совсем не кусают комары. Подлетевший было слепень, с жужжанием тут же отлетел в сторону. Только вот вороны в лесу по сторонам дороги неумеренно раскаркались. Встревожились.

– Прибавим ходу дедуля.

– И не подумаю. Если спешишь, можешь меня на плечи взвалить и тащить.

– Нам еще долго сегодня по лесу гулять. Так что давай не ссориться.

– А интересно, что мы есть будем? Ты же все еще в электричке слопала.

– Мир не без добрых людей дедушка.

– Да перестань ты, дедушка, да дедушка. Мне двадцать шесть, тебе 15, не больше. Даже в папы не гожусь.

Мы шли по лесу и собачились. Порой на ходу она демонстрировала свои таланты. Сорвала мухомор и съела. Пустила из глаз лучик, типа лазерной указки, сбив с ветки особо нахальную ворону.

– Где-то так дедуля. Я очень страшная?

– В своем классе в призовую тройку войдешь. Экзамены то все в школе сдала?

– Я второгодница дедушка. Мне не хватает мудрого совета старшего товарища. Вот ты скажи, как пойти туда, не знаю куда. И найти то, не знаю что? Не знаешь.

– Вот, кстати, та самая река и те самые развалины.

Я приготовился сопротивляться. Пусть тащит меня силой, сам я туда не пойду.

– Не напрягайся дедушка Боря. Мы будем искать, будем искать весь день. Но не там, где ты подумал. Наш будет весь лес. Вот погляди.

Из кармашка курточки девчонка вытащила обычную палочку. Правда, отполированную, не из нашего местного дерева. То ли самшит, то ли еще какая южная экзотическая дрянь.

– Твой металлоискатель нам не понадобится, кстати, хорошо, что его с собой не взял. Таскаться еще с ним. Это дедуль волшебная палочка. Артикул вечная, вспомогательная, учебная. Я, видишь, девочка еще, могу пользоваться только детской косметикой и юношескими средствами для волшебства. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь. Для наших целей и такая штука сойдет.

– Какая наша цель? Рискнул я, наконец, спросить.

– Найти захоронку. Очень важную захоронку. В ней моя жизнь и возможно твоя.

Глава 8

Начали мы с участка леса, окружающего место бывшей усадьбы. Здесь у моей бабушки был парк и сад с теплицами и прочими удовольствиями. Даже персики росли. Анютка лазала между деревьев, таща меня за руку, и другой рукой водила над землею этой самой палочкой. Реакции нигде не было никакой. Девчонку это ничуть не смутило. Мы переходили от одного дерева к другому. Как я заметил, девочка предпочитала хвойным растениям лиственные. Осину все же обходила. Ольха, береза, орешник местами. Ива, да черемуха, рябина. Лес казался бесконечным, бессмысленное шатание с глупой девчонкой замучило вконец.

– А сейчас перекусим, вдруг изрекла она и потащила меня куда-то. Я еле уворачивался от лезущих в глаза ветвей. Выдравшись на то же поле, где опять паслись знакомые мне животные, Анютка закричала:

– Эй ты, рогатый! Приведи ко мне самую красивую твою подругу. Чтоб с молоком была. А то, гляди у меня.

– Кому это она? Успел удивиться я.

Бык в поле, мотнув в нашу сторону башкой, поскакал к своим подругам. И вправду, вскоре к нам, присевшим на траву с гудящими от усталости ногами, пожаловала местная красавица. Большая, пестрая, с огромными добрыми глазами. Корова явно желала поделиться с нами накопленным уже молоком.

– Слышал, что наш брат по ночам у коров молоко выдаивает. Мы такие. Парное будешь пить?

Через десять минут я покорно пил парное молоко. Не сказать, чтобы дрянь, но очень непривычный вкус. Заедали хлебом, который моя спутница не успела съесть в электричке.

Отдых, впрочем, длился недолго.

– Нам до вечера надо обойти тут по максимуму. Все, что можно и, частично, что нельзя. Терпи дедушка, физические нагрузки омолаживают организм. Помолодеешь лет на двадцать зараз.

– Это мне в детсадик опять в старшую группу, есть манную кашку? Внучка, есть в тебе хоть что человеческое?

Она смеялась, гладила меня по руке. Не будь она черт те что, да еще с претензией на родственные отношения... Красивая у меня внучка. Жаль, что ведьма.

Последняя электричка уходила в город в 21.17. это меня только и спасло. Я уже еле волочил ноги. Дважды падал, чуть не выколов себе глаза. Хоть моя спутница и отгоняла каким-то макаротом от нас комаров, но меня они все-таки с удовольствием ели.

– Все. Чего нет, того нет. Или еще нет. Как это проверить, будем думать. Время у нас есть. В смысле, еще есть. Немного, очень немного, но есть. Давай я тебя старче домой отвезу. А то гляжу, весь распух, спотыкаешься. Еще заболеешь. Совсем нам это не надо.

Заботливая ты моя! Как мы доплелись до платформы, не умею сказать. На последнем дыхании, сказал бы Годар. И все же, она подошла, она приняла последних пассажиров. И в вагоне нашлись добрые люди, стали угощать нас дарами леса и домашними заготовками. Я попробовал и первых ягод и домашнего пирожка.

– Учись родственник. Выгодно с ведьмой путешествовать. Захочу, они нам с тобой все корзины с припасами отдадут.

– На кой они мне.

– Я и в ресторане могу с тобой бесплатно пообедать. Скажут, что за счет заведения. Еще и подарок с собой дадут, чтобы поужинали. Люблю бесплатные пироженные! Ты как к ним?

У меня болел живот, подташнивало от съеденных ягод.

– Э, да ты не заболел, дружок.

– С тобой заболеешь. С одного раза заболеешь. А пару раз пообщаешься, на кладбище угодишь.

– Ну зачем так грубо. Сейчас начну тебя лечить.

И она принялась меня лечить. Делала пассы, искры из пальцев восхищали наблюдавших за нами малышей.

– Вот будете мамочку не слушать, и у вас животики заболят.

Сделала страшную морду моя спутница. Вся усталость у меня вдруг прошла, боли в животе утихли.

– Так и будем в лес ездить? Мне же работать надо. На хлеб насущный зарабатывать.

– Не знаю. Пару раз, наверное, придется съездить.

– Ты как, историю своей фамилии изучаешь сейчас? Вас много было Апраксиных. Интересная все публика. Почитай пока, почитай. О, мы уже приехали.

Она проводила меня до подъезда. Она поцеловала дедушку в щечку. Пахло от неё лесом и, что странно, каким-то зверем. Сумасшедший денек. Я терялся в догадках, что ей от меня нужно? Какой клад ищет молоденькая ведьма в окрестностях моего бывшего имения?

И все-таки я продал бабушкину чернильницу. Грандиозные деньги выручил, аж целые сорок пять тысяч. Бронза, видите ли, хорошего мастера. Ювелирное, видите ли, исполнение. А еще чего-нибудь такого эдакого у вас не затерялось, молодой человек? Приносите, мы вас будем очень рады. Напаял меня антиквар. Самое противное, не знаю, на сколько напаял. Если на половину цены, то бог с ним. А если и вообще, продал раритет. За бесценок продал!!!

Сижу дома, богатею, пью коньяк. Совсем запустил я основную работу. А расте-ряешь заказчиков, потом контакты долго восстанавливать. Не факт, что еще и восстановишь.

История рода Апраксиных богата и занимательна. У крещеного басурмана Солохмира был правнук прозвищем Опракса. Оттуда мы и пошли. Сражались мы под Казанью, служили и в стольниках и в боярах. Женщины в женах царей побы-вали, мужчины все больше воевали. И при Петре и после. Графами нас как раз Петр сделал. И богаты мы сделались и знамениты. Сенаторы, камергеры, тайные совет-ники и генерала, генералы и генералы...

Читал я и всё чувствовал себя выскочкой. Какой же я Апраксин, мало ли что мне комарик в ухо напел. Аристократ это воспитание, это, если тебя с детства учили всему, что должен знать дворянин. Если ты кровью умеешь отвечать за свои приви-легии. Сгибаешь шею только перед монархом. И монарх для тебя лишь первый среди равных. Увы, наш век крошечной демократии и изысканного рабства. Не ощущаю себя Апраксиным!

Звонок прозвучал в мою дверь не в этот, а на следующий день. Я трудился как пчелка, вылизывая очередную программу. Я чувствовал себя человеком. Не каким-

нибудь старорежимным Апраксиным, а Борисом свет Викторовичем, программистом 21 века, века новых технологий и забытых суеверий.

Она ввалилась в прихожую, едва не сбив меня с ног.

– Выручай дед! Пропадаю.

Щеки впали, глаз блестят нехорошим блеском. Внучка моя за три дня постарела лет на десять. Уже не девчонка школьница, девица средних лет, чем-то явно больна.

– Если не поможешь, ноги протяну в самый короткий срок. Думала, время еще есть. Много еще времени. Я ведь среди наших самая молодая. Меня, думала, не затронет. Выручай! Ты же, правда, мне родственник. Думаешь, обманывала?

– Ничего я не думаю. Чтобы думать, надо хоть что-то понимать. А я ничего не понимаю. Незнакомая девчонка появляется и начинает мною командовать. Да и еще всякие чудеса творить. Мне чудес и там, в моем недавнем вояже, выше крыши хватило. Скоро рехнусь от всех непоняток.

– Короче. Я ведьма, самая настоящая. И нас не то чтобы много, но достаточное количество имеется. Людей особо не едим, с малых детей кровь не сосем. В общем, сложные мы, но не очень вредные. Соуен наш не самый главный, но достаточно авторитетный. Живем, значит, хлеб жуем, шкоды мелкие делаем, людям по мере мочи помогаем. И тут вымирать начали. Почему, зачем. Спроси, что полегче. Не знаем! То ли климат для ведьмы стал неподходящий, то ли мутация какая проявилась. Вирусы опять же, думаешь, на нас они не действуют. Они мелкие, им все равно кого кусать и есть. Людей ли, ведьм или еще кого. В общем, нужна срочная помощь.

– Бред какой. Не выдержал я.

– Инженер спасает ведьм. Чем же я могу помочь? Программу какую написать? Или в сети поискать рецепт спасения.

– Не здесь и не в интернете. Тебе надо опять вернуться туда. Где ты недавно был, в усадьбу твою.

– Что я там потерял? Нет, там хорошо, но чужой я там человек. Не приживусь.

– Да не на постоянное жительство. Найти там надо кое-что. Точно не знаю, и никто из нас не знает. Но знаем, что там артефакт спрятан. Спасти нас может. Он еще там. Найди, ну пожалуйста, найди.

Бред крепчал.

Она долго еще меня уговаривала. Плакала, обнимала и даже попробовала укунить. В общем, для ведьмы вела себя очень сдержанно. На ночь мне не хотелось её оставлять. Родственница да еще ведьма, плохое соседство. Я вызвал ей такси. И она вдруг отказалась ехать. Выгнать её я был не в силах. В общем, ночью то все и произошло. Нет, никакого секса. Секс у родственников не мое хобби. Она меня заколдовала. Буквально закодировала. “Завтра ты поедешь туда. И сделаешь все, чтобы вернуться в свой девятнадцатый век. Как ты это сделаешь, мне неинтересно. Вывернись наизнанку, но домой не возвращайся. Уходи туда и добывай наш артефакт.”

Снова мы ехали на той же, утренней электричке. Металлоискатель со мной, хотя не понимаю, на кой мне он в этот раз. Последние наставления: надо найти, на что похож, не знаю, где-нибудь среди вещей хозяев усадьбы. Найдешь, спрячь в укромном месте. Так, чтобы долежал до нашего столетия. Как буду искать, не твоя забота. Найду. Главное, спрячь подальше, зарой поглубже.

– А не спросить ли у местной, у тамошней нечисти? Может, чего знают. Их ведь сфера, всякие иррациональные штуковины.

– Нежелательно. У ведьм со всякими там домовыми, лешими и прочими отношения в целом напряженные. Разве что, в крайнем случае.

Боже, как голова болит с утра. Лечения от ведьмы не хочу в принципе, таблетку скушал, пока не действует. Все, кто пытается искать клады, мой вам совет. Не ищите, не дай бог найдете. Будете остаток жизни мучиться.

Электричка остановилась, мы вышли на пустую платформу

Глава 9

Сосенки справа от дороги. Пройдут дожди, вырастут там первые маслята. Здесь почва песчаная, место высокое. Апраксины знали, где строиться. Уже показалась речонка, петляет себе по лугу. Ниже по течению она впадет в могучую Неву. И устремится вода к великому городу. К городу, с которым я сегодня боюсь навек расстаться. Как не хочется обратно в прошлое. Может, не получится? С какой стати мне путешествовать туда-сюда во времени. Еще не дай бог, создам какой-нибудь парадокс. Убью на дуэли кого не надо. Скажем, Бланка. Или того же Джугашвили. Хотя с такой публикой мои предки не стрелялись. Таких мы секли на конюшнях. Что-то я читал о вышеупомянутом Бланке?

Все. Пришли. Конвоир мой, приветливо улыбаясь, тянет меня к знакомым кустам. Хоть бы бык тебя забодал, дорогая моя внучка Анечка. Она, кстати, с утра выглядит вполне себе неплохо. Может, наврала все об эпидемии. Кто их ведьм знает.

– Место, где тебя схватило, ты, миленький, уж сам ищи. А будешь халтурить, я ведь замечу, сделаю тебе, дедулечка, бо-бо. Ты меня знаешь, я больно умею делать.

Я уже ознакомился и с этой стороной её дарований. Умеет дряннуха не только лечить но и ударить болью. Мало не покажется.

– Слушай, не говорили об этом. Если я тебе помогу, то всё, больше ты ко мне не вяжешься и претензий никаких не предъявляешь?

– Не любишь ты внучку.

– Кончай кривляться. Я ведь могу там остаться и не достанешь оттуда меня. Или так или никак. Поклянись, как вы там в своем кругу клянетесь.

Ох, не хотелось ей. Но произнесла какую-то мутную клятву. Похожее я в кино видел. Допустим, не обманула.

Я шагнул в заросли ивняка. Вот и родная крапива. Кирпичная кладка почти вровень с землей. Замусорено, загажено. Мое родовое гнездо. Кажется, здесь я тогда стоял. Здесь у нас был зал для гостей, я тогда правильно угадал. Здесь мы пили чай с князем Романовым и бароном Штерном. Бабушка разливала. Как, однако, сегодня кусаются комары. Наверное, к дождю. В ушах не звенит, в глазах не двоится. Стою уже минут пять. Чуть-чуть поменял позицию. Шелохнулось что-то не земле. Надо же, опять ящерка. Живут под фундаментом, чем-то там питаются. Вчерашние динозавры, наследие былого величия.

– Что подруга, обижают тебя тут. Хвост, небось, не раз и не два отдавливали.

– Свой хвост барин батюшка побереги. С опасным народом связался. Обманом живут, обманом кормятся.

Тот же писк, того же комарика голос.

– Ну, пойдем что ли домой? Загулялся ты в гостях. Ничего там нет хорошего в нынешних городах.

И даже головокружения не было. Страха теперь тоже не было никакого.....

– А боялся Боренька. Съездил ведь, спина не отвалилась. И барышни хорошие и хозяин гостеприимный. Вон ты, час три как приехал, а уж от соседей уж подарок привезли. У них морошка в этом году уродилась. Две корзины. Я девкам отдала, пусть варенье варят. Ты у меня ведь всегда любил.

Люблю ли я варенье из морошки, я, честно говоря, в жизни и не распробовал. Пару раз ел, обычное, вкусное. Сижу с бабушкой, узнаю о себе новости. Отсутствовал

я, получается, все шесть часов. Здесь, в 19 веке, время по-другому течет. Доехал я, получается, до провинциалов соседей, успел с ними пообщаться. На барышень впечатление произвел. Ах, гусар из Петербурга. Ох, в отставке из-за дуэли. Красавец, шутник, богач. Папенька, конечно, понимает, что не для его девчонок кавалер. И все же старому хрену лестно.

Сведения о роде Апраксиных, полученные мною из интернета прились мне сейчас кстати. Развел бабулю на рассказ о родне. Кто где сражался, где путешествовал. Кто на ком женат. И тому подобное. Старушка в азарте, угодил я ей с темой. А мне, все-таки, после перехода во времени надо бы отдохнуть.

Поиски отложу на завтра.

Летний вечер под Санкт-Петербургом. Воздух наисвежайший. Редкий комар залетит в барские покои. Я сижу у открытого окна, гляжу на вечеряющий сад. Может тело моего предка чудотворно действует на меня? Не хочется мне уже в мой загазованный город. Корпеть над убогими программами и радоваться случайным заработкам. Пошлая жизнь пошлого человека. Не даром попал я в кабалу у мелкой и вредной ведьмочки. Характера вам не хватает, граф. И как вы здесь на дуэлях побеждали, граф. Сбежать не хотелось?....

– Барин. Постелю вам на ночь готовить?

Наталья. У меня неделю не было женщины. Не до женщин, честно говоря, было. А тут вполне доступная, знакомая до мелочей баба. Чувствуется, мылась. Пахнет чем-то, никак травой какой пахучей натерлась? Я ей раз сказал, что этот запах мне нравится.

– Иди ко мне Наталья. Постель успеешь приготовить....

Испортил меня город. За неделю столько накопилось. Моя дама была в целом без предрассудков. Научный термин минет знаком сельским жительницам не понаслышке. Давали парням за щеку. Сосали у барина, если изволит пошутить. Зубы жаль, что деревня не чистила. Я убедил мою девулю чистить с содой, хотя бы веточкой. Послушалась. Сейчас я огуливал кобылку и спереди и, повернув лицом к постели, сделал подруге небольшое бо-бо. Стерпела всё, охала, под конец голос подала.

– Барыня что сказала? Днем не развратничать.

– Так вечер уже барин. Да вы ж сами! Ох.

Отпустил, наконец, дуру, пусть постель готовит. Ночью продолжу с нею воспитательную работу. Разврата среди дворни не допущу, сам буду их трахать.

Как там ведьма с мельницы, Анютка моя. Свеча горит на столе. Пишут здесь гусиными перьями. В избах тараканы, ненавижу это зверье. Слава бог, в усадьбе бабушки чистота поддерживается строго. Чуть принесет кто зверей из деревни, отсылают в баню, а потом, изволь милый человек после березового веничка на конюшню розог получить. Иначе с русским человеком нельзя. До эпохи шампуней и моющих кремов еще пара сотен лет.

Шуршит кто-то за стеной, нечистая сила проведала, что хозяин вернулся и радуется. Я сплю, под боком сопит горячая желанная дура. Заездил я сегодня её, с деревенскими такое не просто сделать. Здоровые кобылы. С чего же мне завтра начать? Торопиться не стоит, время тут другое, да и рвать жилы для чужой девчонки что-то не очень хочется. А если все же не совсем чужая?

Сплю.

– Барин! Гости приехали. Екатерина Евстафьевна и Елена Евстафьевна. Батюшка ихний приехали, Евстафий Иулианыч. Барыня просят вас пожаловать.

Вот ведь! Ни одно доброе дело не остается безнаказанным. И надо было им в эту рань заявиться.

Пока я вставал, брился, ополоснулся водичкой. Поливала с рук та же Наташка, похоже, уже ревновала.

– Молоденькие, хорошенькие барышни, закрутится барин, обо мне горемычной и забудет.

Хлопнув прислугу по заднице, не забуду тебя, потерпи до ночи, пошел я встречать гостей.

Пили кофе со сливками. Я любовался, как бабуля умеет вести беседу. И гостеприимство проявить, как радушная хозяйка. И вежливо намекнуть, что аристократические Апраксины мелкопоместным Чудаковым никак не ровня и девицы Катенька с Леночкой могут и не рассчитывать на что либо серьезное. Папенька проникся. Девочки так заглядывались на меня, что тонкостей беседы не воспринимали.

Проводил их в сад, показал оранжерею. Угостив спелым персиком Катюшу, сделал ей довольно смелый комплимент. Чем я не поручик Ржевский. Леночке тоже досталось кое-что слегка неприличное, но весьма лестное. Фруктов в оранжерее хватило бы на батальон девиц. Нет, поцелуй в щечку или в губки здесь не приняты. Но пухленькие ручки, вымытые огуречным рассолом, имел удовольствие поцеловать.

Папаша тем временем в гостиной у бабушки успел прикончить бутылку настойки, и тоже был очень доволен.

Приглашали заезжать, помещик приглашал на охоту с его борзыми. Словом, все как у людей.

Устал с утра, словно пробежку сделал на полтора километра.

– Все бабушка, не поеду я больше в гости. Соседей много, а мы, Апраксины, одни.

Утомленная визитом старушка, ничего не сказала, видимо со мной согласившись. Лакеи убирал со стола выжранные бутылки с напитками и грязные тарелки.

– Пойду, прогуляюсь. Можно мне будет днем посмотреть вещи, что остались от отца, ну, если есть, то и от деда?

– Конечно можно Боренька. Давно ты не проявлял интерес к прошлому. Разве что дитем любил поиграть с дедовскими безделушками.

– Вот, вот. Хочу обновить впечатления детства. Память о предках дело святое.

Вот завернул, скотина. Помощь бабушки в моих розысках теперь гарантирована.

.....

Старые дедовы сапоги с ботфортами, старая сабля, ордена, медали. Целый ящик безделушек, привезенных из турецкого похода. Естественно, турецкий кофейник, чашечки для питья кофе, половина перебиты. Чалма. Не больше, не меньше, турецкая чалма. Это с какой же отрубленной саблей головы снял её дед. Хорошо воевали предки. Непонятные, совершенно непонятные безделушки. Может среди них и есть этот самый артефакт. Но как угадаешь?

Устав рыться в старом хламе, я вышел прогуляться к реке. К той же самой купальне, где у меня состоялась неприятная встреча с местной речной нечистью. Сегодня водичка была холодновата для купания. Вода в реках нашей губернии мутновата и имеет бурый цвет из-за обилия торфа в болотах, через которые речонки протекают. Если кто сидит в воде, черта с два ты его увидишь.

Абсолютизм, крепостное право, поэтов на дуэлях убивают. Но рыба в речках водятся. Что щука, сюда даже осетры заходят. А в мое время, выше по течению работала свиноферма и все последствия жизнедеятельности свинушек выливались

в реку. Рыбка плыла кверху брюшком, маленькая премеленькая и совсем даже не осетрина.

– Что щука. Сидишь там, в воде, мокнешь? Не захотела на барский стол, попадешь теперь на удочку мужику.

Я совсем не ждал ответа. Но ответ последовал.

Глава 10

– Наведался бы на мельницу барин. Ухою с осетринкой попотчуем. Анютка там скучает, плачет. Ждет тебя. Жена ж она тебе, барин!

Щучья голова, высунувшаяся из воды и толкающая речь о нравственности, это сильное зрелище.

– Апраксины женятся только на равных себе, щука. Мечтания сельской девушки бесплодны и чреватые опасными последствиями. Я тебя уже предупреждал рыбина. Терроризировать своего барина не позволю!

– Слово какое-то придумал, непонятное. Так не приедешь?

– Подумаю. Пока ничего не обещаю.

– Что ж. Где-то ты опять барин шляется, болтался. Нюхом чую. В своей реке тебе не сидится. Ох, смотри, выловит тебя какой ни на есть рыболов. Потрепыхаешься на крючке, барин.

Напугала. А ведь кое-что угадала щука. Попал я на крючок. Самое надежное мне, здесь в деревне отсиживаться. А от местной ведьмы как-нибудь отобьюсь. В крайнем случае, и вправду попа пригласим.

В моей деревне была только часовня. Церковь вместе с попом находилось в версте от нас в Карбуселе. Раз в неделю бабушка ездила туда на службу в коляске с кучером Филимоном. Та еще личность. Единственный населенный пункт, доступный мне в моем изгнании, как раз была Карбусель. Точная копия нашего селения. Те же избы, те же грязные мужики. Речка, всё та же, только чуть выше по течению.

Щука подождав, что я отвечу на её обвинения, и не дождавшись, плеснула хвостом и ушла под воду.

Денек у меня получался насыщенный, но абсолютно пустой. Поцелуи ручек, пахнувших рассолом, возня с пыльным и непонятным хламом. Но не будем унывать, завтра поиски будут продолжены.....

Почему бы барину вечером не погулять, не послушать, как поют сельские красавицы. Там у речки, на лугу, где первые стога уже смётаны. Хорошо посидеть в сене, послушать кузнечика, поглядеть, как девки венки плетут. Самому девке на ушко такое наплести!... Ноги сами несли меня по лугу. Услышав мои шаги, певуны затихли.

– А вот и барин пожаловали.

– Скучаем Ваше Сиятельство?

– Никак Наташка чем прогневила?

– Она девка толстая, неопытная. Разве ж знает, как за барином надо ходить.

И хиханьки и хаханьки. И я уже сижу на травке рядом с девчонками. Одну обнял, другую на колени посадил. Они и ёжятся и смеются. Лестно, барин приглубил. Сегодня он Наташку холит, завтра, глядишь, и на кого другого посмотрит. Выгоды эти егозы почти и не ищут. Разве что по мелочи. Возраст у дурех самый мечтательный. В семьях на такие игры смотрят снисходительно. Если забрюхатеет, изобьют, конечно, и поскорее выдадут замуж. И если барин рубль подарил, рублю в мужицком хозяйстве всегда найдется применение.

Целовал девчонок до тех пор, пока у самого губы не распухли. Договорились, завтра вечером встретиться здесь же и продолжить общение. Наташка это хлеб насущный, но и о пирожных забывать не следует. Две, три девушки из сегодняшней компании даже по нашим современным городским меркам очень неплохи.

Перед сном велел дать мне помыться. Завтра прикажу протопить баню. Появлял немного дурака с Натальей. Она еще видимо не прослышала про мои сегодняшние подвиги, старалась изо всех сил. Но я уже был сыт. Почему мне кажется, что искать следует среди дедовских вещей?

Во сне снилась внучка Анютка, девушка Анюта строго ей выговаривала, что никакая ты не внучка, а самозванка; щука хохотала и приглашала на уху.....

А поутру, пожар, барин! Пожар! Гумно горит!

И барин возглавил отряд спасателей. Овин сгорел, кстати, пустой овин. И какой дурак его поджигает? Тайна сия осталась неизвестной. День до обеда получился насыщенным и познавательным. Мылся в бане, Наташка терла спину. Уже надутая. Информация распространяется в деревне, как вирус covid-19 по планете двадцать первого века. С теми же дурными последствиями. Вымывшись, все-таки завалил дуру на полог и внушил ума разума в соответствующие места. Унялась.

Коробки с прошлым, восемнадцатый век, матушка Екатерина и её славные полководцы. Дедушка был среди них не последний. Турки проклинали проклятого гяура и терпели поражение за поражением.

Пересматриваю и пересматриваю старый хлам.

Бусы и ожерелье из простых местных камешков, колокольчик какой-то с симпатичным слоником, а вот и вообще, медный кружок, обсаженный маленькими колокольчиками по периметру. Звенит, кстати, довольно приятно... Что-то там зашуршало за спиной....

– Ты что ж делаешь барин?! Зачем нам такое в доме. Опомнись!

– Герасим. Ты?!

Косматое чучело упало мне в ноги и ручонками с острыми коготками попыталось вырвать у меня медный кружок.

– В чем дело? Что случилось? Чем тебе игрушка не угодила?

– Игрушка! Да ты знаешь, какая это игрушка?

– Не знаю. Не прочь бы узнать. Может, подскажешь?

И домовый рассказал. Мало мне не показалось.

Талисман этот неизвестно где раздобыл на Востоке мой дедушка. Людям он вреда не принесет и пользы от него, разве что колокольчиками слух потешить. А вот для ведьм, для активной нечистой силы, это мощный артефакт. Хворую ведьму излечит, молодой силы придаст, да столько, что добрым людям не поздоровится. Кайфуют ведьмы от моего артефакта как от хорошего наркотика, звоночки его на них действуют. Украсть его у хозяина ведьма не может, он только по доброй воле хозяина может к ней перейти. Дед, получается, был у талисмана хозяином.

– Ты Ваше Сиятельство теперь этой вещи полный хозяин и не тебе бог её нечисти черной болотной в грязные лапы отдать.

– А тебе значит можно?

– Мне она ни к чему. Мы не по таким делам проходим. Людей не морим, не травим. Козни злые не строим.

Герасим смотрел на меня умно-умно, качал мохнатой башкой, шевелил ушами. Сразу чувствовалось, мазурик не врет, не в его интересах врать. Видимо ведьмы и ему где-то на мохнатую лапу наступили.

– И какой мне интерес от такой штуки? Что ведьмам её нельзя отдавать, я уже понял. Меня, кстати, её поискать ведьма и уговорила. Отыщи, дескать, отыщи. У меня здоровье резко пошатнулось, полечу его с помощью этого талисмана.

– Что здоровье она поправит, не спору. Крепко поправит, всем вокруг мало не покажется. Но и тебя не пощадит. Добра от них не жди.

– Убедил. Но положение моё хуже не придумаешь. Как от ведьмы отвязаться не знаю, а отдашь ей, только хуже будет. Тупик, одно слово.

Домовой крутил башкой, хлопал глазами, видимо и сам не знал, как мне помочь. Или не решался входить в такие деликатные темы с не вполне знакомым субъектом. Кто меня знает, вдруг у меня с ведьмами шуры-муры и я выдам его, домового, головою ведьмам на съедение. Как все сложно в потустороннем мире. Страсти кипят, покруче наших, земных.

– Посоветуюсь я барин тут кое с кем. Сказал, наконец, он. Ничего не обещаю, если что узнаю, тебе непременно скажу.

– И на том спасибо. Значит, эту дрянь припрятать и никому не показывать?

– Вот именно. Взять её у тебя никто из наших не возьмет. Но пусть спрятанная полежит, надежнее так будет. Ну, бывай, барин.

И день пролетел совершенно незаметно. И опять на реке поют. Поют то поют, но Наташка уже в курсе. И надо сделать так, чтобы и волк был сыт, в смысле Борис Викторович, и овца цела, дура Наталья не обиделась.

Думал я, думал, ничего не придумал, взял да и пошел. Встретили меня, вот никогда мне в жизни такого внимания девушки не уделяли.

– Наташку не убоялись барин!

– Храбрый то какой, герой!

– А мы уж думали не придете....

Захватил я из дома любимого девами кушанья. Пряники у нашего повара получались на удивление. Целую пригоршню похитил из кухни, на глаза у удивленного хозяина.

– Может вам барин еще чего?

– Когда еще чего нужно будет, я тебя спрошу.

Девчонки грызли, давали себя обнимать и щупать. Только под юбку не пускали. Особенность русской деревни, отсутствие нижних юбок у представительниц нежного пола. Насколько это облегчала возможность быстрой атаки, мужчины сами поймут. Да что деревня, в высшем свете панталоны только-только появились. Я находился сейчас в начале новой эры в развитии женской одежды. Надо бы потренироваться, как её снимать. Но на ком тренироваться? Не на этих же дурехах, моих соседках, Катеньке и Леночке.

– Барин! Ну куда полез?! Куда полез?

– А хочешь, расскажу я тебе Авдотья, как я на войну ходил?

На войну я не ходил, только на маневры в Царском Селе. И не очень себя там хорошо проявил. Но сейчас получалось очень хорошо. Рука все-таки залезла в сокровенное местечко. Девы заслушались интересного вранья. Девчонка сопела и промокала в своем укромном местечке, явно для неё было всё впервой. Погладить меня в интересном месте она не решалась, но, похоже, была готова.

– Пока не стемнело, прогуляюсь-ка я к гумну, посмотрю, что мои мужики там с овином успели сделать. Ты, Дуня, меня сопровождай. Вам девы всеобщий привет. На кухне у моего повара еще много вкусного есть.

– Да. Вам барин сладенькое, а нам, девкам, солить огурцы.

Дуняша еле шла. Но очень далеко я её и не увел. Завел за стог и на удивление ловко завалил. С девушками у меня опыт был небогатый, со школы, как-то получалось, что, если с какой преуспел, то кто-то уже с нею до меня преуспел больше и

всему научил. А с этой все было по-другому. Пришлось и рот зажимать и испытать некоторые трудности в начале процесса. Но здорово хорошо вышло....

Рёву было потом. Не возьмут её теперь замуж. Батюшка убьет, а мамка на горох поставит и выпорет.

Рубль девчоночку не утешил. Пришлось дать два и сказать, что о ней позабочусь. Не дам обижать и приданым не обижу.

– Может в дворню тебя взять?

– Ах, что вы! Ваша Наташка меня живьем съест.

Моя любовница вырастала в зловещую фигуру. Только заведи себе фаворитку, сразу же получишь проблемы себе на голову. Меняй женщин чаще и будь с ними построже.

Утешая новую подругу поцелуями, я гладил её, старался рассмешить. Подружки уже кричали, звали Дуняшу, но пойти искать не решились.

– Значит, договорились, не топишься. Постараюсь взять тебя к себе. При мне будешь, не пропадешь. А то отдадут за старика или за пьяницу. Ведь не хочешь?

Сырость легла на землю, от реки несло холодком. Белое платишко Дуняшки уже исчезло на лугу. Пора и мне домой.

Глава 11

День я уж не помню который в новом мире. Ночная беседа с капризной любовницей. Пришлось вразумлять её физическим воздействием. Побил больно, но аккуратно. С женщинами сложно, здесь не бей, тут у неё запретные места. По лицу тоже, наставишь синяков, а потом с этакой красавицей в постель ложись. Я попросту снял ремень, задрал на скандалистке ночную рубашку и по попе. С десятков раз. Визжать не разрешал, грызи зубами подушку. И помни, барин твой строг и справедлив. С кем хочет, с тем и ебётся. На тебя у барина тоже хватит сил. Если, конечно, изводить барина не будешь.

И ведь подействовало, гладкая стала и послушная. Надолго ли?

.....

– Барин. Муку с мельницы привезли. И подарки. Прикажете принять?

Вышел я. Стоит подарочек, мне улыбается, глазки невинные строит, платочек голубенький теребит. Те же и Анята, мельникова дочка, она же ведьма, она же колдунья, она же будущая мама моего ребенка.

Странно, не ощутил я должного трепета. Внучка там в Питере меня запугала, казалось должен я перед ведьмами теперь дрожать и ждать беды. А тут стою себе, гляжу на непокорную, как барин на свою прислугу.

– Ты что ж это Анна, извини, позабыл как тебя по батюшке, барину неуважение оказываешь. Пойдем, отойдем в сторонку.

Явно удивилась. Пошла за мной, все старается ко мне поближе, да притронуться, хотя бы плечиком прикоснуться. У меня от её прикосновений как мурашки по телу. Но больше ничего.

– Ты кого ко мне подсылала. Мне твои говорящие селедки уже надоели. А еще в купальне...

– Это не я! Это батюшка. Взгорячился чего-то. Я ж ему говорила, по взаимному согласию все было. А ему в голову что-то ударило. Он ведь у меня знаете кто.

– Надо понимать, он у нас водяной. А ты кто? Русалка что ли?

Молчит. Покраснела.

– Не русалка ты голубушка. И активничаешь слишком. Я с бабушкой на днях в Карбусель еду. Привезти оттуда батюшку со святой водой?

– Он побоится.

– Ничего. Мы ему подсобим.

– Чего ж вы барин так осмелели. Не пойму что-то. Неужто?!

И тут до меня самого начало доходить. Эге, думаю, талисман то не только ведьмам одним годится. А и нам, людям грешным и земным. Надо в нем повнимательнее разобраться. Анятке я, конечно, ничего не сказал. Подарки её на кухню отправил. Предупредив, что если очередной подарок начнет говорить, кусаться или кого отравит, все последствия на ней и на её отце. Разошлись миром. Девушка попыталась еще делать мне глазки и намекать, что скушает и на мельнице меня ждут в гости. Но я вежливо отклонил предложение.

– Не сейчас Анята. Поглядим на ваше поведение. Время терпит.

В последнем я был неуверен. Положение между двух миров, скользкое и двусмысленное. Стоит пересечь ненароком границу и вылетишь опять в свой мир. Программы писать, от сумасшедших ведьм отбиваться. И думать, как бы монетку сбыть, да как бы тебя не обжулили. Измельчали мы в своем двадцать первом, подумал про себя.

Поговорил с бабушкой о том, чтобы принять в дворню новую девушку. Ходить за баринком и все тому подобное. Я немного стеснялся, но бабушка отнеслась с пониманием.

– И то Боренька. Это твоя Наташка подраспустилась в последнее время. Моя б воля, в скотницы её отослала. Поскребла бы навоз в коровнике, ума б прибавилось. Ну да твоя воля, ты у нас хозяин.

Приятно быть хозяином. И богатого имения и целого гарема прелестных веснушчатых гурий. Но, если серьезно, хозяйство вела, конечно, бабушка. Я только ей помогал.

Весь вечер я посвятил дальнейшему просмотру трофеев дедушки. Чудеса продолжались. Маленькая медная кофемолка. Чудесные узоры на крышке. Явно требуется чистка, но в целом вещь достойная. Я попытался покрутить ручку мельнички. Надо бы смазать её, скрипит препротивно.

– Что тебе барин? Зачем вызывал? Ишь до чего добрался. Покойный твой дед этой штукой не злоупотреблял. Не гонял нас попусту к себе на службу.

– Так это что, мельничка для вызова злых духов?

– Скажешь тоже. К злым другое отношение, их звать себя дороже. А штука сия только для нас, для мирных.

– Конкретно. Кого вызывает и как.

– Нас домашних вызвать, пару раз крутнул и хватит. Лесных надо семь раз и то порой не скоро явятся. Потому лесной пока доберется, пока дорогу в дом найдет. Да и не его это дело по жилью людскому шлендать. Барин, когда надо сам в лес выезжали и там уже Лесного хозяина звал. Не шушеру тамошнюю, трясинника с кикиморой, а самого лешака. Он мужик правильный, к людскому с пониманием. Я вспомнил встреченного тогда в лесу зубастого деда. Сплошной эсэсовец, а не дед. Неужто, он леший будет? Непохоже. Может как раз этот, как его домовой называл, трясинник. Судя по слову, обитатель болот. Заманивает, наверное, в болото нашего брата и топит. Сколько чудесного в жизни! Интересно, какая нечисть живет в наших небоскребах, таится в виллах рублевского шоссе, прыгает и резвится в коридорах кремлевского дворца. Специфическая, наверное, нечисть. Но явно очень могущественная. Такая на скрип медной мельнички не побежит. Её золотыми трубами не приманишь.

Домовой, побеседовав со мною о моем новом приобретении, удалился в свои запечные уголья. Вечер я скоротал все с той же Наташкой. Она после ночной порки пребывала в задумчивости. Известие о новой моей наложнице приняла со смирением. Только не верю я в бабское смирение. Наверняка, новую пакость обдумывает.

День новый начался с дождя. Дождь в городе большая пакость, дождь в деревне, хорошо для урожая, плохо для сена, приятно для сельской ребятни. Я выехал на конскую прогулку, когда дождик поутих. На сельских улицах радостно резвились гуси и утки. За околицей, в лесу с деревьев сыпались на меня капли воды. Тепло и парит, будут грибы. Славное лето, я принес с собой отличную погоду и подарил селянам хороший урожай. Поэтому они должны меня любить. Не обязательно, чтобы все любили, я сам выберу, кого и как любить. Девочка Авдотья сегодня приступила к исполнению своих обязанностей. Бабушка осмотрела её и в целом одобрила.

– Тощенькая немного, но шустрая.

Стройная и миловидная селянка не заслуживала такой оценки. Все было при ней. Дуню отмыли в бане, вычесали косу, чтобы избежать появления в доме всем известного насекомого. Я, сделав вид, что тут ни при чем, строго побеседовал с новой

служанкой и, подмигнув ей в конце беседы, благословил на труды, во благо барина и его постели.

– Будешь прислуживать в опочивальне Авдотья, по очереди с Натальей постель мне на ночь готовить. И все прочее.

Сегодняшняя ночь обещала быть интересной.

Я ехал по лесу, предвкушая порочные улады и прочие удовольствия. Лошадь всхрапнула, кто-то спрыгнул с дерева на круп коня и хриплым голосом произнес:

– Ну давай что ли знакомиться барин.

Леший. Конечно, это был леший. Запахло еловой хвоей, лапищи с острыми когтями обхватили меня за пояс. Не убежать.

Странно, я не очень испугался. После ведьм и водяных этот обросший волосом дядя показался мне не самым вредным из лесных обитателей.

– Здравствуй дедушка леший. Ну зачем же меня хватать, как парень девку хватает. Я от тебя убегать не собираюсь. Больше того, уже сам хотел с тобой увидеться и пообщаться. Вопросов, знаешь ли, накопилось. Я тут буду долго в деревнях моих хозяйничать, мне надо с лесной братией отношения наладить.

– Вот как. А я уж думал, что ты с ведьмами тут отношения начал налаживать, да с водяными. А нами, лесными жителями, брезгуешь.

– Ошибаешься. Побывал я на нашей мельнице, впечатление сложилось не очень. Мягко стелют, да жестко спать. Претензии к своему барину стали заявлять. Запугивать начали. Мне такое не по вкусу. Давно хотел с тобою пообщаться. Чтоб как-то равновесие в моих лесах поддержать.

– Равновесие в лесу мы сами, худо бедно поддерживаем. До тех пор, пока вы, люди, рубку леса не начинаете. Тут уж все страдают, и лешие и водяные, да и ведьмы придется не сладко.

– Это чем же?

– Она тоже на лес завязана. Травы в лесу для заговора и порчи собирать. Шабаш тут в лесу устраивать. Много чего. Нет леса, почитай и ничего нет.

– Я рубить лес в ближайшее время не собираюсь. Денег мне хватает. Лес мне нужен для охоты и для удовольствия. И хотелось бы, чтобы меня в моем же лесу никакая лесная сволочь не пугала. Извини, не тебя имел в виду.

– Понятное дело барин. Пособлю, чем могу. Дедушка твой нашего брата в ежовых рукавицах держал, а ты молодой, тебе не только с людьми и с нашим братом не просто. Поехали, я тебе дорогу покажу.

– Куда это?

– Да не бойся. Травкой одной поделюсь. Помогает она, если с ведьмой беседу ведешь. Она её крепко не любит. И к тебе уважение будет иметь.

И мы поехали. Ну и чащоба есть в моем лесу. Сколько с егерем не ходили, а в такую глушь не забирались. Вроде недалеко от дома, но как на другой планете. Ели в три обхвата, мхом все обросло. И как мы через такие заросли пробрались, не знаю.

– Тут у вас и папоротник цветет?

Леший ухмыльнулся эдак лукаво. Дескать, понимай, как хочешь. То ли он цветет, то ли и вообще такого не бывает. Мне, как бывшему кладоискателю, цветочек папоротника лишним бы не показался. Да и время вроде сейчас подходящее, как раз он в лесах и цветет. В интернете читал, это все сказки.

Лесной хозяин на мгновение вышел из моего поля зрения и вернулся к коню с небольшим пучком травы. Запах был приятный, немного отдавало чабрецом, но не совсем то. Резкий, благородный запах.

– Держи ладанку с травой у себя на груди. Бес тебя кружить по лесу не будет, ведьма тебе зла не сделает. Захочет, да не сделает. Сила у ней пропадет. Да у тебя, я гляжу, и так уже откуда то сила появилась. Скоро ведьмы к тебе с уважение будут. Только ты стервам не верь. Какие бы они белые и пушистые не были, не верь.

Леший проводил меня до самой до околицы деревни. Прощаясь, я вспомнил вдруг одну вещь. С собой я на прогулку прихватил кое-что. Сам не тронул, теперь пригодилось.

– Извини, не изучил еще всех обычаев. Но вот с собой у меня ломоть хлеба из нашей пекарни. Пекарь у нас хороший хлеб печет. Не откажи принять, в знак дружбы и взаимоуважения.

Пустяковый подарок был принят, похоже, я с ним угадал.

Я входил в бабушкин дом как после кругосветного путешествия. Нет, в лесах нашей матушки России много еще удивительного. Не буду рубить лес.

Глава 12

Избави меня боже от друзей, а от врагов я сам избавлюсь

Друзья меня не забыли, друзья обо мне вспомнили. От столицы 100 верст, не расстояние для гусарского коня. А три всадника на трех конях это и три всадника Апокалипсиса, и три мушкетера, едущие в гости: Здравствуй д 'Артаньян, как тебе тут, в деревне, не надоело?

Корнет Баландин, поручик Цаплин и ротмистр Трубецкой Четвертый. Они при- скакали, они не сбились с дороги. Они были дьявольски голодны и очень вежливы. Бабушка пришла в восторг.

– Любят тебя в полку Боренька!

Один взял у меня займы двести рублей. Другой постоянно жульничал в кар- тах. Третий, пропойца такой, что наш незабвенный князь Константин Романов пока- жется трезвенником.

Они приехали в гости, и ничего тут было не сделать.

После необычайно интересно проведенной ночи я чувствовал себя не очень. Лишать невинности девственницу занятие для смелых и предприимчивых. Обу- чать соблазненную тобою дурёху разнообразным тонкостям любовных игр ищ дело крайне утомительное. Сил затратишь немало. Раз удовольствие, два удовольствие, но надо же и поспать. Но твоя подруга захотела узнать, а почему это так: “Барин, почему он был большой и твердый, а теперь стал мягенький такой и маленький?” “Ах, барин! Нельзя так делать. Батюшка в церкви говорили, что это грех!” “Ох, и как вы Боренька так делаете и больно и сладко?!” “А почему мы больше ничего не делаем?”

И ведь до утра не утомилась. Заездила своего мучителя, всё, утоляя любо- пытство, всё выясняя, а как я её люблю? А я её больше люблю, чем Наташку?

Когда под утро задремал, начала меня щекотать и всерьез обиделась на легкий шлепок по попе: Уже разлюбили барин?!

Показывая своим гостям усадьбу, я спал на ходу и был, честно говоря, не очень внимателен. Благо, наставленные мне за ночь засосы и любовные укусы, говорили сами за себя. Братья гусары понимающе посмеивались. И советовали мне ночью лечить подобное подобным. У меня же впервые за последний год не стоял. Всего высосала ласковая малолетняя пьявочка.

Гости посетили оранжерею, словав не один десяток персиков и прочих чудес природы. На вечер я им запланировал баню. В банщицы пришлось выделять все ту же Наташку и опытную Дарью Кузьминичну. Она женщина в возрасте, и сама не даст и помешает Наташке сблудить с кем-нибудь из моих дорогих гостей. Знаю я нашего брата гусара. И Наталью неплохо изучил.

Гусар Баландин поинтересовался охотой. Слух о прекрасной медвежьей охоте в имении графа Апраксина все-таки просочился в круги питерской интеллигенции. Я тут не виноват. Очень подозреваю, что дело не обошлось без Великого Князя Кон- стантина свет Романова. Бедный барон Штерн. Обкакаться в бою вещь не столь ред- кая и вполне объяснимая. Государь наш Александр Павлович изволили обосраться в сражении под Аустерлицем. Что не помешало Государю победителем вступить в Париж и сокрушить узурпатора. Штерн, у тебя впереди славные победы. Единожды обосравшись, ты приобрел опыт, незаменимый в будущих превратностях судьбы. Прости Романова, алкоголиком он был, алкоголиком уже и сдохнет.

Я побеседую с Карпом, мои гости пойдут на охоту, только на птицу, на куропатку, на глухаря, на рябчика. Медведь пусть мирно пасется в малиннике и пугает моих дев. Не стоит его напускать на российского гусара. Слава наших знамен не должна быть поругана гнусным лесным разбойником.

Итак, я развлекаю милых гостей. Напитки, начисто уничтоженные князем Романовым, снова закуплены в изобилии и могут утолить жажду целого гусарского полка. Пейте друзья полковые, пейте, но только без меня.

Пьяный вечер, звон гитары, здорово играет мошенник Цаплин. Хотел было подсказать ему новую популярную песню: кавалергарда век недолог. Но черт их знает, новые песни, новые, еще не написанные Пушкиным стихи. И ты вдруг, прибывшая в родной двадцать первый век, узнаешь, что ты вовсе и не рождался. И в стране сейчас продолжают править Романовы. Нет, попаданцы, меняйте историю без меня. Меня в это дело не впутывайте.

А вы, Цаплин, чур, моим юным девам ничего такого не обещайте, все равно не исполните, знаю я вас. Выдавать замуж еще одну забрюхатевшую дворовую девку, этак денег на приданое не напасешься. Девушку Машу мы уже сосватали. Она поплакала, но быстро утешилась. В конце концов, не старик, собою не урод. Двор богатый, корова и восемь куриц. Будешь девятой Маша!

Я сплю на ходу, в уме мешаются ведьмы, гусары, медведи, поющие русские народные песни и мой заказчик из Белорусской народной республики, не умеющий вовремя оплачивать заказ.

Меня укладывала в постель горничная Наталья. Сама раздевала меня и приговаривала:

– Ишь, как назюзюкался барин. И было бы с кем пить, эти ваши друзья за вашей спиной девок щиплют, плюют, где не положено. Не барское это дело!

Ночью тошнило, и было совсем не до секса.

– Станет ваша Дуняшка так за вами ходить, как я хожу. Бурчала сердитая Наталья. И ведь права, дурында, права.

Прогулки, чтение, сон глубокой, лесная тень, журчанье струй. Положим, насчет чтения тут хило, как я уже замечал. Французские романы читает одна только бабушка. Но я могу гулять, крепко спать или, если захочется, всю ночь не спать и не дать уснуть своей гостье. С лесной тенью и журчаньем струй тоже почти всё в порядке. Всякая сволочь пытается мешать, комары кусаются, ведьмы качают права. И все же, здесь здорово. Не надо только напиваться по-свински.

Отпив рассола и заглянув к дорогим гостям, они лежали плашмя и жаловались на головную боль, я выполз все-таки на свежий воздух. Благо он везде. Садовник в саду срезает цветочки. Промелькнула Авдотья Ивановна и посмотрела на меня укоризненно. Вместо того, чтобы продлить медовый месяц и продолжить курс сексуального воспитания, её возлюбленный пал жертвой зеленого змия и провел ночь с ужасной старухой, горничной Натальей.

Я пошел на конюшню, сел на моего коня и поехал проветриться. В деревне пахивало навозом, что знаменовало успехи сельского хозяйства, значит, я хороший хозяин и у моих крестьян есть коровы и лошади. В лес, опять в лес. Там, где-то цветет папоротник, и мой знакомый леший охраняет редкостный цветок. Днем будет жара, но в лесной тени мне она не страшна.

– Здравствуйте барин. Что ж вы по лесу то без толку на коне гоняете? Заглянули бы к нам, у нас и ушицы бы свежей попробовали. И воздух свежий у речки.

Опять она. Все та же Анята.

У милого создания была в руке корзиночка. Сверху вроде лежал грибок. Рядом пучок лесной травки, знаем мы, какие травки собирают ведьмы в своих лесных уголках. Под травой могло быть всё, что угодно. Говаривали старики, что ведьма может змею в корзинке тащить. И защиты ради и для нападения.

– Неужто Анечка и любимую свою говорящую щуку для ухи не пожалеешь? Какая ты жестокая и коварная.

Спрятанный в ладанке на груди пучок травы, полученный от лешего, придавал мне уверенности в разговоре. Подойти побоится.

– Ждем на ушницу, ждем. Не бойтесь барин, у нас к вам со всем уважением. Щуке в обиду не дадим.

Хихикнула и сгнула за деревьями. Что была Анютка, что не было. Я погнал коня, надо было вернуться домой к обеду. Загулялся я сегодня.

Вот это дорожка на Карбусель, здесь тропой можно покороче к дому выехать. Надежная тропа, все по песочку, мимо ёлочек, прямо так к дому и выеду. А вот эта сосна тут не стояла. Я гнал и гнал, незнакомую сосну сменили ели подозрительной вышины. И мох какой-то на ветках непонятный. А вот этого тут никак не могло быть!

Передо мной было болото. Огромнейшая болотина. Такое было примерно в пяти верстах от усадьбы. Деревенские по осени сюда за клюквой бегали и очень опасались трясины. Что ни год, то одна, то другая увязнет. Дай бог, чтобы друзья вытащили. А бывало, что и увязали с концами.

Объехать по краю? Но как я сюда заехать сумел?! Надо возвращаться. Дав коню немного передохнуть, я пустился в обратный путь. Ни сосен, ни елей на пути уже не попадалось. Сплошной осинник, потом пошла ольха, а под копытами коня такая дрянь, корни какие-то, ямы, рытвины. Если конь упадет, пропаду. Вдруг появилась в голове мысль. Анютка, конечно, Анютка. Отвела глаза, бестия.

Поделился с конем запасенным сахарком. Глюкоза, великое дело и для коня и для всадника. Журчит где-то за кустами ручеек. Вроде и не было в наших краях ручейков. Сова, это днем то сова! Взлетела на сук у березы и пугает коня. Сдайся граф, сойди с коня и пади на колени. Сейчас, разбежался. А вот и просвет впереди, лес кончается.

Лес кончился, я выехал на берег реки. Передо мной была мельница.....

Нет, я не стал паниковать. Я повернул коня, я поскакал по незнакомому лесу. Какие-то странные деревья, их тут никогда не росло. Птицы какие-то свистят за деревьями не птичьими голосами. Может, уже и Соловей Разбойник у нас в лесу завелся? Позвать на помощь лешего я не догадался. Через полчаса бессмысленных скитаний в трех соснах, я выехал, естественно, все туда же. Мельница мелет, водичка журчит. Меня здесь ждут и мне не отвертеться.

Глава 13

А уха была вкуснющая, Анютка не соврала. И где они осетрины да стерляди на ущицу раздобыли. Положим, осетр в наши невские воды в 19 веке заходил и прекрасно себя чувствовал. Но вот насчет стерляди я ничего не слышал. Что же касается щуки, то её не было. И я этому признаться был только рад. Говорящую щуку есть, как-то оно боязно. Говорят, она обладает волшебными свойствами и много чего говорят. Проводить эксперименты не считаю нужным.

– Кушай, батюшка, кушай. Мы к тебе со всем уважением. Потому, вы наши отцы, мы ваши дети. И вольную мне ваш батюшка дал. И все благодеяния ваши. Кланяйся Анютка! В пояс кланяйся. В землю!

И Анютка, смеясь, подливала мне горячего и пила чем-то наивкуснейшим. Так, наверное, Цирцея угощала спутников Одиссея. Так, возможно, Воланд потчевал бедного буфетчика.

Я пил и ел, я был готов ко всему. К самому ужасному и может быть к еще чему-нибудь. Рукою я невольно каждые пять минут трогал висящую на шее ладанку с травкой оберегом. Анюта, наконец, заметила мои движения.

– Да не бойся барин, не стану я к тебе приставать. Я девушка гордая и обидчивая. Соблазнил дурочку, ну и что. Мы с батей и сами воспитаем дитё. Правильно я говорю батя?

– Истинную правду говоришь, дочура. Барин честь тебе оказал, до тела твоего снизошел. Должны гордиться и место свое помнить. Вырастим дитя, скажем, отец твой в бою погиб. Героем был твой папая.

Это был уже перебор.

– Ну что мне для вас сделать?! Жениться на девице из простых, бабушка меня проклянет. Да если б ты простой девицей была Анечка. Ты же ведьма, какая ж ты жена будешь для верующего человека. Тебя ж святой водой побрызгать, у тебя вся кожа облезет, Анечка.

Этого мне не следовало говорить.

Мельник и дочка покраснели, что-то сразу перестали шутить. И совсем мне перестали нравиться.

– Ну, последнюю рюмашку барин на посошок. Налей ему Анька.

Мне не хотелось пить. Но деваться было некуда.

.....

– Стреляй Сергей Миронович, стреляй!!! Вон он, кабан, в листву зарылся.

Я увидел вспышку за деревьями, и что-то обожгло мне бок. Так и умирают в жизни. Жил я человеком, умер кабаном.....

Вода текла на меня, Анютка опустила мою голову под воду и держала её там.

– Отпусти ведьма. Не смей барина своего убивать.

– Он что пьяный, егерь, или придушивается?

– А надо выяснить, зачем он Сергей Миронович в кусты залез. А не было ли у него умысла на теракт?

– Ну какой теракт? Какой на шестнадцатом году советской власти может быть теракт. Полей его еще водой, может, очухается.

На меня смотрела довольно простонародная морда. Явно охотник. Но одет.... Это не девятнадцатый век! Проклятая Анька. Меня опять перебросило черт знает куда. И что-то мне в разговоре этих охотников не нравится. Советская власть, тер-

акт. Если я попал в период ежовских репрессий, то меня репрессируют и мне будет очень больно.

– Извините, меня выстрелом контузило. Скажите, кто вы? Я на какое-то начальство попал?

– Попал ты парень очень крепко. Попал на первого секретаря ленинградского губкома ВКПб, на товарища Кирова попал!

– Товарищ егерь, к чему такие эпитеты. Проще надо, мы все рабочие люди. Вот гражданин, вы кто будете?

– Вот верно, кто он будет, зачем в кустах прятался?! Надо бы сдать его в органы, товарищ Киров.

– Где я тебе в лесу органы найду. Тут легче медведя встретить. Вы, кстати, чем в лесу занимались? На грибника не похожи, на охотника... Где ж ваше ружье?

Я был одет. Кстати, я только сейчас обратил внимание во что я одет. Никакого графского прогулочного костюма не было и в помине. Какие-то брючонки, пиджачок неведомо из какой ткани. Её, кажется, называли дерюгой. Не для прогулок в лес одежда. Хотя, возможно у моего персонажа другой одежды и не было.

– Я, вообще, травник. Травы тут в лесу собираю. Сам болею, вот травами и лечусь.

Соврал я, как мне показалось, очень удачно.

– А где ж ваша корзинка или туесок? Во что вы их собираете?

Ничего у меня с собой не было. Зато в кармане у меня бдительный егерь обнаружил довольно большой ножик. Остро наточенный, подозрительный предмет.

– Вот я же говорил товарищ Киров. Террорист. Хотел на вас напасть и этим ножом нанести смертельные ранения. Ууу зверюга, агент буржуйский.

– Не буржуй я! Простой честный труженик.

– А документы у тебя есть, честный труженик?

Егерь явно работал по совместительству в ГПУ и охранял Сергея Мироновича по максимуму.

Постой, постой, да ведь Кирова вроде убили. Точно, застрелил его в коридорах Смольного какой-то урод. Вроде на сексуальной почве. Из ревности. Большой ходок был Сергей Миронович.

Я с большей симпатией поглядел на простонародную морду исторического деятеля. Надо же на кого меня судьба вывела. Хорошо, что не на Сталина с Берией. Они ведь тоже охотой баловались. Пристрелили бы меня на месте, не пожалели. Но как мне от этих-то двоих отделаться?

– А какие женщины у нас в Карбуселе. Что вам кабан Сергей Миронович, ну его кабана. Отдохнуть у хорошей бабы, попить чайку, вечерок культурно провести. Самое то для человека напряженной умственной деятельности.

Я действовал нагло, но выбора у меня не было. Егерь тем временем полез ко мне в карман. Хотел бы я знать, что у меня там еще лежит.

– Так, справка о судимости. Он у нас судимый, Сергей Миронович. За кражу сидел. Сейчас работает.

– Где вы работаете, товарищ?

– Где надо, там и работаю.

Хотел бы я знать, где я работаю. Программистов в тридцатые годы двадцатого века еще не существовало. Тогда и компьютеров не было и в помине.

– А у нас в Питере он работает, Сергей Миронович. На Балтийском заводе.

– О как! Чего ж ты, парень стесняешься своего места работы. Достойное место. Работаешь то хорошо?

– Стараюсь вообще Сергей Миронович. Извините, что так неуважительно говорю. Контузило меня вроде.

– Так что ты говорил о местных бабах. Ты, похоже, по местным достопримечательностям большой ходок. Что ж, веди нас в деревню.

– Не бойся, не бойся товарищ егерь. Видишь, товарищ из пролетариев. Что сидел, так не за контрреволюцию же сидел. Ну, украл. Искупил свою вину, честно трудится. Веди нас Сусанин. Если хорошей бабы нам не найдешь, пеняй сам на себя.

При бабушке моей Наталии Николаевне Карбусель была настоящим цветником. Девочек и баб видимо невидимо. И параметры у всех самые достойные. Такие бы Кирову понравились. Щекастые и грудастые.

Но что было при царе Николае, вряд ли сохранилось при генсеке Сталине. Надо найти в деревне милиционера и действовать через него. Он власть, разобьется в лепешку, но для ленинградского вождя ресурс изыщет. На худой конец, свою жену уступит.

И мы пошли, и была нам дорога легкая и счастливая. Товарищ Киров стрелял, и дичь сама собой слетала с веток и падала на землю. Надо думать, из уважения к пролетарскому руководителю. Когда мы вышли на опушку ягдташ нашего охотника был битком набит разнообразнейшей птицей. И глухарь, и тетерка, пара уток и редкий теперь гость в местных лесах, рябчик. Вождь, надо отдать ему должное, стрелял отлично, только почему-то с левой руки.

– Вы нам счастье принесли, товарищ рабочий. Редкий сегодня улов. Верно, товарищ егерь.

– Его заслуги тут нет, Сергей Миронович. Всё вы, ваш талант стрелка.

– Подхалимничаєте, товарищ егерь? Нехорошо батенька, нехорошо.

– Ну-с, в какую избу нам прикажете идти, уважаемый бывший кабан.

Это так партийный функционер изволил шутить. Я и вправду чувствовал себя кабаном на заклании. И тут из ближайшей избы вышла Анютка. Да, да, она самая, зеленоглазая бестия Анютка.

– Кого привел! Ты кого привел, кобелина?! Шлялся где-то, пьянствовал, нашел собутыльников. И в дом привел?!

Я почувствовал, что Анютка сейчас начнет бить товарища Кирова. Я попытался спасти вождя. Но егерь меня опередил. Он бросился вперед, схватил за руки буйную бабенку и что-то начал ей шептать на ухо. Анютка сперва вырывалась, потом охнула, выпучив глаза. Посмотрела на моего спутника и, видимо сравнив его с портретом в газете, заулыбалась.

– Здравствуйте дорогой вождь! Радость-то сердцу какая, именины души. Пожалуйте в избу, угощу, чем могу.

Егерь ей еще что-то прошептал, она хрюкнула, понимающе повела плечами.

– А что?! Непременно найдем. Да вы пожалуйста в избочку. У меня как раз варево наварено. А вашу дичь мы мигом приготовим. Долгое ли дело. Вот Таньку да Ленку позову, они мне помогут.

– Самогончик у нас найдется. Сами не пьем, запрещено, не гоним. Но для дорогого гостя!!!

– Что, не пьете? И правильно делаете дорогой товарищ Киров. Тысячу лет вам жизни и крепкого здоровья. Пусть наши враги пьют, с горя. А мы здоровые будем и трезвые.

И мы вступили в гостеприимную избу. И был пир горой. И бляди, которых пригласила моя ведьма, оказались для сельской местности вполне и вполне. Почти и

не бляди. У одной муж объелся груш, частое заболевание и в нашу эпоху. У другой мужа расстреляли.

– Не за контру, дорогой товарищ Киров! С приятелями чего-то не поделил и в топоры. Мой умелец был, троих зарубил. Пришлось идти в тюрьму. И за что, спрашиваться?!

Киров утешал, обещал разобраться, ел, пил, шутил. Как-то получилось, что Анька с подругами обсели его со всех сторон. То одна погладит, то другая ущипнет. Меня егерь увел на другую половину избы и поил самогоном, приговаривая:

– Ну и что, что за твоей немного поухаживает. Не слиняет. А тебе то какая польза! Она у тебя, слышь, не венерическая?

И я убеждал бдительного егеря, что стержовная ведьма Анька сифилисом не больна, что она проверялась. И что в нашей деревне никто о сифилисе и не слышал. Вот трипак разок был, так съездил один дед в город и привез. Сейчас мается.

Егерь хохотал, потом пытался меня проверить на предмет триппера. Потом мы оба охмелели. Из соседней комнаты слышались охи и стоны.

– Ох, как вы Сергей Миронович!

– А что вы с ней-то, со мной давайте!

И бас партийного вождя.

– Вот так, по-нашему, по-коммунистически. Давайте теперь бабоньки втроем будем.

Что они делали втроем, я естественно не полез подсматривать. Железные люди были коммунисты, во всем были сверху, во всех позициях побеждали.

.....

После коньяка то и барских вин самогон. Боже, как низко я пал. А вдруг здесь застряну?

Глава 14

Недолго тебе гулять кобелек. На дворе 1933 год, через год стрельнет тебе в спину в коридоре Смольного ревнивый муж. И останется товарищ Киров в городах и районах, в пароходах, стройках и других добрых делах благодарного советского народа. Лошадь ездока любит, а холоп обожает доброго барина. На фоне прочей сволочи Миرونыч был очень даже ничего.

Предупреждать коммунагу я и не думал. Историю нельзя изменить, еще хуже сделаешь. Пристроившись на скамеечке в бане я дрых рядом с бдительным егерем до утра. Стоны и оханье из избы затихли, там тоже притомились и легли спать. Чей-то шепот у меня над ухом, горячее дыхание:

– Кобель наёбся. Пойдем, выйдем, поговорим.

Анюта.

.....

– Ты что ж барин со мной делаешь. То туда, то сюда мотаешься, а мне за тобой таскаться. Не можешь в одно место?! Кончай шутить.

– Вот не понял. Это ты надо мною шутики шутишь, ведьма неугомонная. Заманиваешь, отсылаешь невесть куда. Зачем?! Что тебе надо то, Анютка? И вправду жениться на тебе? Но сказал уже, под страхом смерти не женюсь. На ведьмах не женятся.

Она посмотрела на меня и впилась в губы долгим поцелуем. Много могу я насчитать поцелуев, с тех пор, как этим занимаюсь. Но поцелуй ведьмы это нечто. Если они так с чертями целуются, то у чертей в жизни не все так плохо.

– Давай, шептала она. Давай, давай. Обслюнявил меня твой коммунага, хочу чуток освежиться.....

Она ездила на мне до первого крика петуха. У меня ныла не только спина. Самое деликатное место было не только пусто, пустёхонько, но и болело, словно меня кто туда ногой ударил.

– Импотент, думал я. На ближайшие дни, недели импотент.

– Ну, хоть этим тебе отомстила. Не будешь завтра со своими Наташками, Дуняшками в постели кувыраться.

Заржала лошадь и убежала в избу. Там как раз начали просыпаться Секретарь Ленинградского губкома РКПб, верный ленинец, лучший друг товарища Сталина. Вот кому все впрок идет. И баб попользовал и нажрался дичины. И снова свеж и бодр. Могучей силой обладает партия большевиков ленинцев. Не скоро они передохнут.

– Не проводите нас, товарищ рабочий?

В смысле, иди, провожай и не вздумай пытаться бежать. Сомнения по поводу моей личности, похоже, опять возникли с утра.

Я бы пошел, я бы проводил. Но чем кончатся мои проводы, у меня были серьезные опасения. Хотя, семь бед, один ответ. Раз уж попал, надо выбираться. Все равно куда, хуже этого места и времени разве что война будет.

В этот раз мне еще и пришлось нести рюкзак товарища Кирова. Оне, значит, после ночной смены устали, а я, дескать, не устал. Уходя из гостеприимной избы, Сергей Миронович явно прибарахлился. Любит народ талантливых самцов. В рюкзаке что-то булькало, оттуда пахло домашними заготовками. Три бабы накормят целый взвод солдат, а уж одного то вояку всяко.

– Будете у нас в Ленинграде, товарищ, смело заходите в Смольный. Чем могу, помогу. Хорошие у вас подруги здесь в деревне. Принципиальные девушки.

Это в смысле, что с заглотом не берут? Так научатся, дорогой товарищ Киров. Вы только их поучите, они всему научатся. Что нам завещал дорогой Ильич? Учиться, учиться и еще раз учиться. Во всех позах и всеми способами. Предохраняться не обязательно. Партии нужны новые доблестные воины, партии нужны прекрасные девы. А то всех перезаражаете, дефицит возникнет. Ебите нас дорогой товарищ Киров! Мы согласные.

Это я так не сказал. Это я так подумал. Мы шли, мы кормили комаров. Вот, кажется утро, а комар уже проснулся, комар приступил к работе. Пятилетку не в четыре, в три года выполнит и перевыполнит. Сосет и сосет паразит.

Товарищ Киров хорошо и красиво ругался, егерь вторил ему, добавляя изящные флотские обороты. Не иначе, из моряков. Тропинка вела прямо к линии железной дороги. Железка уже тогда нормально функционировала, и скоро мы услышим гудок паровоза. Только вот дойду ли я до линии? Лучше бы не дойти. Попасть в Ленинград 1933 года, погулять по проспекту 25 октября, заглянуть на Гороховую, а там и прямо, к новостройке, построенной лично вами, дорогой товарищ Киров, в Большой дом на Литейном. Там ждут меня добрые, хорошие парни из ОГПУ.

Я шел, потел и ужасался. Во многая мудрости много печали, о мой читатель. На фиг мне было знать, где находились здание сталинских опричников в эпоху великих сталинских пятилеток и неустанного роста благосостояния советского народа. Начитался я сдуру.

– Ну, товарищ рабочий, спасибо за гостеприимство. За то, что помогли вещички донести, особое. Дальше уж мы сами. Вы что-то хотите сказать, товарищ егерь?

Товарищ егерь хотел что-то сказать, но товарищ Киров с перепоем был не в настроении.

– Девочкам еще раз мое пролетарское спасибо. Обязательно еще раз загляну.

И мы разошлись, как в море корабли. И я не пошел ко дну. Бывают же такие добрые и гуманные коммунисты. И совсем не страшно. И комары пели радостно и оптимистически: теперь ты один остался, поработай за троих.

Я бежал, отмахиваясь от комаров. Но куда бежать? В Карбусель? Опять к Анютке? Только не туда. В деревне меня заставят работать, выполнять пятилетний план, собирать колоски, доить коров, если таковые еще сохранились на 16 год советской власти. А вдруг пошлют на Балтийский завод?! Содрогаюсь я на ходу. У меня ж в документах ясно сказано, работает на Балтийском. А за прогулы тогда строго. Очень строго было за прогулы. Еще не расстреливали, но уже брали на карандаш.

Лошадь, пасущаяся на полянке, изменила мои планы. Какой дурак вывел её на лесную поляну и оставил без присмотра, не знаю. Дураков у нас всегда было много и меньше никогда не станет. Я подошел, погладил её по спине, отвязал от веревки. Вскочить на не оседланную лошадь совсем непросто. Но я справился. Верхом я сумею добраться до места, где, возможно, меня ожидает спасение.

Лес, проклятый лес, знакомы уже две сотни лет лес. Еще не прогуляла война, рубки леса здесь не велись. Старой, заросшей травой тропинкой я прискакал к развалинам моего дома. В 1917 и в 1918 поселяне хорошо порезвились. Кирпич стен разобрал и увезен в село. От мебели и следа не осталось. Что не украли, то сожгли. Гнилые зубья остатков стен, трава по пояс и запустение.

– Постой тут лошадка, пощипли травку.

Я привязал коня к стволу черемухи. Негнущимися ногами я прошел внутрь дома. Вот здесь, именно здесь. Два раз меня ждала встреча с хозяином неизвест-

ного мира. Может кротовьей норы, как изощряются остряки ученые. Кто в этот раз, комар, ящерица, где ты мой мир?

Звенели в воздухе обыкновенные комары, вместо ящерицы проскакала по земле маленькая лягушка и с необыкновенно важным видом слопала одного комара. Я стоял и всё больше убеждался, что попал всерьез и надолго. Может быть навсегда.

Рассказывать, как я гонял украденного коня к развалинам старой мельницы. Как я сидел там над заводью и пялился в мутную торфяную воду. Никаких говорящих щук, никаких ведьм и водяных. Мир опустел. Надо ехать в Карбусель и искать там Аньку. Если она там еще есть. Она единственная моя связь с прежним миром.

.....

День давно перевалил за полдень. Солнце уже не так пекло. Напившиеся моей кровью комары, жужжали уже не так злобно, как-то сыто и устало.

Я привязал коня у околицы села. Въезжать в деревню на краденном коне, не лучший способ наладить отношения с аборигенами. Судя по воплям Анютки, у моего прототипа не было особо хорошего реноме в селе. Пьяница и возможно бездельник. Свою рожу я имел возможность увидеть только мельком. Пару раз отразился в воде речки, да в избе вроде было зеркало, но почему-то завешанное полотенцем. Не заживусь, думал я. фашисты не убили, так коммунисты прикончат. Какого программиста потеряет будущая Россия! Кто теперь будет ваять третьесортные программы. Страшно подумать. Сидеть бы мне дома в барской усадьбе и не шататься по лесу в поисках приключений.

Жрать хотелось невероятно. В лесу ягоды пощипал, вот и вся еда.

– Борька! Где ты там козел?! Домой иди.

Козла хозяйка ищет. Придет козел домой, ему травки дадут. Один я бездомный.

– Борис! Божье ты наказание. Иди домой. Знаю же, в лесу прячешься.

Анюткин голос. Засекла меня, придется идти домой.

И как каторжник к своей тележке с грузом, поплелся я к знакомой избе. Пошел к ведьме на ужин.

.....

Насекомых в избе не было. Летучие мыши не гнездились по углам, крысы не пищали в подполье. Обычная изба сельского жителя. Следы ночной оргии уже убраны. Анютка, ни слова не сказав, напоила меня чаем. Дала и поесть. Остатки барской роскоши, недоеденная куропатка, крылышко утки. Все вкусно, но кусок в горло не лез.

– Платишь по долгам барин. Не всё вам Ваше Сиятельство барствовать и крестьян эксплуатировать. Поработайте-ка на заводе.

– Ты никак коммунисткой стала Анна Егоровна. Сдать меня в ГПУ не планируешь?

Подобное действие Аняте явно в голову не могло прийти. Она закрутила головой, засмеялась было, но потом смутилась.

– Ты ведьму то не пугай барин. В здешних местах и мне боязно. Благо, не надолго мы здесь.

– Уверена.

– Ночь покажет.

Луна поднялась на небе во всем своем бесовском величии.

– Полнолуние. Шептала мне Анята.

– Хочешь, пойдем, погуляем.

Я помнил, чем кончились гулянки Хомы Брута, но отказать ведьме не мог. Она вывела меня из избы. Сама только в короткой ночной рубашке. Мне дала

переодеться какие-то страшные мужские панталоны и бязевую рубашку. Наверное, чтобы поиздеваться над щеголем барином.

– На небе сейчас холодно, но я тебя согрею.....

Чувство коня, оседланного опытным седоком; щемящее чувство полета. А если упаду?! Но крепкие девичьи ноги сжимали мою поясницу, рука направляла полет.

Как хорошо на небе. Ночная птица шарахнулась от наших летящих тел. Где-то стрекотал аэроплан. Конечно, самолеты уже летают. Скоро они будут летать и бомбить далекий город. Пройдут солдаты по ночной земле. Где мы сейчас?.....

Падение было неожиданным и мучительным. Я валился в бездонную пропасть. Ведьма подлетала ко мне и пыталась ухватить на лету. Но тщетно. Тьма и удар?

Глава 15

– Ваше Сиятельство. Пора вставать. Вставайте, Ваше Сиятельство. Графиня беспокоится, два раз уже посылала будить. Беспокоится, что это Боренька, не заболел ли?

Я ощупываю себя под одеялом. Руки, ноги на месте, даже ничего не болит. Голова? В голове сплошная чехарда. Полет в ночном небе, падение. Галлюцинация, наведенная шалавой ведьмой, или всё было на самом деле? В полете мы пересекли отведенную мне черту и меня без последствий отправило обратно, доживать в моем 1828-м....

Слуга помогал мне одеться.

– А с утра Ваше Сиятельство прибежала мельникова девка. Всё спрашивала: как барин, не заболел ли барин. Еле отогнали. Балуете вы их Ваше Сиятельство.

Значит, всё было. Анютка перепугалась, прибежала проверить. Не сверзился ли я на самом деле и не разбился ли вдребезги. Есть какая-то совесть и у ведьмочки. Не совсем пропащая душа.

Сегодня у нас опять рыбный день. Анютка не только прибежала проверить, жив ли я, но и принесла свежей, только что выловленной рыбы. Повар еле успел её приготовить. Мои гости гусары ели с аппетитом, подсмеиваясь над ночными прогулками своего друга отставника. Вчера я вернулся за полночь. Сразу улегся спать и всё ругался. Поминал какого-то Кирова и восхищался своими летными данными.

Выпив стакан бордо с утра и, закусив жареной рыбкой, я вступил в разговор с друзьями.

– Красным бордо рыбу Апраксин! Ты одичал в глуши, друг наш.

– Можно Кюви из Прованса, можно белое бордо, но красное!

– Не слушай Баландина, друг мой. Красным бордо можно всё запивать. Капитальнейшее вино, граф Апраксин. Давай еще налью.

Я смущенно улыбался, отказываясь от второго бокала. Отдохнуть бы сегодня днем от передрыг вчерашнего дня. Да не получится.

Друзья затеяли поход в деревню. Общение с народом, обнимашки с крестьянками.

– Крестьянки днем работу работают. Вечером только гулять ходят. Да и как вас таких им представить. Три кобеля на стайку невинных девиц. Поручик Ржевский перед вами образец добродетели и пай мальчик.

Они смеялись моим словам. Выцыганили у повара пару бутылок вина и закуску и побрели искать на лоне природы уединения и общества прекрасных дев.

Случаев изнасилования у меня в деревне еще не было. Скоро они будут.

Нужна какая-то защита от самоуправства ведьмы. Проверю еще раз дедов талисман. Поспрашиваю у бабули, не сохранилось ли еще вещей от моего героического предка.

Разговор мой с бабушкой прервали на самом интересном месте. Гости вернулись домой, и требовали хозяина. Не больше, не меньше предложили мне поиграть в карты. Колоду они с собой привезли. Обыгрывать богатеньких приятелей была такая скверная привычка и у корнета Баландина, и у поручика Цаплина, и у ротмистра Трубецкого. Но тратить бабушкины деньги я не собирался. Сколько случайных умений проносим мы через жизнь, не пользуясь ими и даже их слегка стесняясь. Умение мошенничать в карты одно из сомнительных достижений моей юности. Особых денег я своим умением не заработал, а потом, когда кончил ВУЗ и вовсе завя-

зал с игрою в карты. Сейчас пригодилось. Герои виртуозы гоголевских Игроков, где вы? Со мною играли обыкновенные шулера даже не второго, третьего сорта. Наглые и неопытные. Игра наша затянулась до ужина. Я выигрывал и проигрывал. Разогрев мошенников до потери бдительности, начал игру по крупному. Призыв камердинера: Господа, барыня просит идти кушать. Совпал с финалом трагедии. Все трое задолжали мне кто по триста, кто по четыреста, а каналья ротмистр и шестьсот рублей. Отлились кошке мышкены слезы. Сколько за вами, господа хорошие, пропало моих денег за время службы.

В трагическом молчании шествовали горе-друзья к столу. Чувствую, что скоро они оставят мой гостеприимный кров и вернуться к проклятой службе. Естественно, пообещав заплатить долги, как только, то непременно.

– Ах, бабушка. Ваш чай с вишневым вареньем это шедевр. Попробуйте варенья Трубецкой. Гусары пили чай, подливая туда коньяка. Хвалили хозяйку и её усадьбу и после ужина разошлись по своим комнатам. Им надо отдохнуть, заявили хозяевам.

– Можно и нам отдохнуть, Боренька. Вздохнула бабушка.

Перед тем как разойтись на отдых старушка заботливо посоветовала мне:

– Ты бы Боренька с прогулками в лес поосторожнее. Непокойно порой у нас в лесу. Вы в столицах смеетесь над нашими провинциальными суеверия. А и вправду, бывает что-то, мистическое что ли. Не смейся, пожалуйста. Ты у меня один.

Ах, бабушка. И не думаю смеяться. Если б ты знала! Но не буду портить настроение старушке.

Ночью надо было бы отдохнуть. Очень активно отдохнуть. И я бы отдохнул. Но, вот странно, мой дружочек, истерзанный и выкачанный до капли жестокой любовницей, вдруг восстал и потребовал новую порцию секса. И спрос не превысил предложение. Пропущенные сеансы любви и дружбы с моими подругами вызвали конфликт интересов. Хотели и требовали одновременно и ветеран моей спальни Наталья и юная секс звезда Авдотья свет Ивановна. Приходилось осваивать старый и вечно новый способ интимного общения. Пошлю и бессмертную групповуху.

– Это почему это я с этакой соплюхой в одной постели?! Обоссyt она меня.

– Мне барин?! Мне с такой старухой?! Разлюбили?!!!

И все такое. И очень разное. Но тело хочет. И ночь коротка.

Наверное, ведьма Анна Егоровна занесла какую-то инфекцию в мои неутомяемые чресла. По пять, по шесть раз, с каждой в отдельности. И в весьма пикантных позициях, знакомых любознательному двадцать первому веку еще по эпохе императора Тиберия и развратника Нерона. Я ни капли не устал. А мои юные подруги под утро завяли и стали просить пощады.

– Уж очень вы, Ваше Сиятельство, шептала и та и другая.

На заре сон крепок и должно присниться много снов. Мне приснился сосед мой по лестничной площадке, старый пьяница и хулиган. Он опять бил свою жену и кричал на весь подъезд:

– Продали Россию американцам! Ты сука продала!

– Вставайте граф, вас ждут великие дела.

– Барин, вставайте. Вставайте, барин, беда. Друга вашего мужики убили.

Ну я как чувствовал. Камердинер тряс меня за плечо, отвернув морду от развороченной ночным развратом постели. Хорошо воспитана у меня прислуга.

– Что? На смерть убили?!

– Нет. Весь в синяках, морду раздуло, зуб один то ли выбило, то ли шатается.

– Теперь подробности. Говорил я, натягивая штаны и камзол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.